

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Материалы второй политической конференции ЦОПЭ

Издательство ЦОПЭ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Материалы второй политической конференции ЦОПЭ
3—4 ноября 1960 года

Издательство Центрального Объединения
Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)

Мюнхен

1961

3-4 ноября 1960 года в Мюнхене состоялась вторая политическая конференция ЦОПЭ — Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР.

Целью конференции было дать освещение четырех «узловых» проблем сегодняшнего дня: проблемы «сосуществования», проблемы структурных изменений в советском обществе, проблемы политических настроений в различных группах советского общества и проблемы соотношения между русской революцией и коммунизмом.

Соответственно этому в программу были включены четыре доклада:

1. «Внешнеполитическая доктрина хрущевского руководства», докладчик *А. А. Авторханов*.

2. «Советское общество сегодня», — докладчик *В. И. Рудольф*. Доклад был построен на свидетельствах советской литературы и публицистики.

3. «Лицом к лицу» (встречи с «той стороной»), — докладчик *Ю. А. Письменный*. Материалом для этого доклада послужили многочисленные встречи работников ЦОПЭ с людьми «оттуда», то есть советскими гражданами за границей.

4. «Русская революция и коммунизм», — докладчик *Ф. А. Арнольд*. Конференцию открыл председатель ЦОПЭ *Ф. Т. Лебедев*, который в своем вступительном слове сказал:

«...Переживаемое нами время — судьбоносное время. Напряжение между двумя лагерями в мире за последние полгода достигло почти крайней степени. Международный коммунизм под флагом «мирного сосуществования» ведет массированное наступление на свободный мир. Начавшая недавно свою работу пятнадцатая сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций ясно показала это, став как бы новой вехой в истории послевоенной международной политики, знаменующей начало серьезных перемен в сфере международных отношений. Она будет, можно думать, знаменовать и начало мирового переустройства. Иначе быть не может: существующее положение вещей становится нестерпимым. Слово за Западом...

...На нашей родине мы все отчетливее наблюдаем процессы освобождения от страха, процессы высвобождения из пут идейного и идеологического рабства, духовный бунт — с поиском нового смысла

жизни, со стремлением к свободному самоутверждению, с ростом религиозных настроений и «буржуазной» идеологии... Неблагополучно и в рядах самой партии...

...Мы всегда призывали к одному и тому же: к общей активной и решительной борьбе против коммунистической диктатуры — во имя освобождения нашего народа, во имя освобождения всех порабощенных народов, во имя избавления всего человечества от того, что несет с собой и чем грозит международный коммунизм. От своего пути — несмотря на всякие внешние условия — мы не отступали. И сегодня, — беря коммунистическую идеологию, коммунистическую систему, коммунистическую политику во всех сферах внутрисоциальной и международной жизни, — мы можем заявить только одно: борьба продолжается. Мало того: борьбу необходимо усилить!..

...Как следует вести борьбу в нынешних конкретных условиях? Каковы перспективы нашей борьбы? Каково отношение к нашей борьбе у нашего народа? На что можно рассчитывать в свободном мире? Учитываемы ли результаты? Целый ряд вопросов и проблем, требующих освещения и разрешения, становится перед нами, если мы ответственно относимся к взятой на себя задаче: способствовать установлению на нашей родине подлинно демократического строя с полным освобождением человека...

...Время от времени — и особенно в такое время, как сейчас — необходимо сообща и критически проверить старые и разработать новые пути и методы работы и борьбы, стремясь для обеспечения наибольшей действенности своих усилий к учету всех внешних и внутренних условий. ЦОПЭ и подошло сейчас к этому...

...Мы уверены, что наша общая работа на конференции, проводимая в духе ответственности, сотрудничества и терпимости, даст неплохие результаты и проложит путь к усилению борьбы, которую ЦОПЭ ведет и будет вести совместно с другими организациями всех национальностей...

...Наша цель по существу одна: победа свободы над диктатурой; утверждение личности свободного человека, как высшей ценности; восстановление творческой и духовной свободы человека — и мир во всем мире...»

А. АВТОРХАНОВ

Внешнеполитическая доктрина хрущевского руководства

При всем кажущемся внешнем сумбуре Хрущев, пожалуй, единственный властитель в мире, который имеет ясно поставленную внешне-политическую цель, детально разработанную тактику и гигантские возможности для ее осуществления. Трагедия не в том, что коммунисты скрывают свои истинные намерения, а в другом — люди свободного мира ими не интересуются, а если интересуются, то не верят, что они могут быть осуществлены. В свое время Ленина объявляли фантазером, а сегодня Хрущева называют клоуном. Между тем, коммунизм уже покорил одну треть населения земного шара, а перед остальным человечеством ставит роковой вопрос — «Быть или не быть!». Быть миру свободным или коммунистическим? Кремль предпринимает исполинские усилия, политические, материальные и идеологические, чтобы подготовить условия для решения этого вопроса.

Советская внешняя политика, ее дипломатия, советская хозяйственная мощь, даже советские научные и технические достижения ставятся отныне на службу интересов мирового коммунизма. Это, между прочим, одна из характерных черт внешне-политической доктрины хрущевского руководства по сравнению с сталинской линией, когда заграничные коммунистические партии рассматривались лишь как исполнительный инструмент осуществления государственных интересов Советского Союза.

В тему данного доклада не входит рассмотрение текущих вопросов советской внешней политики. Цель доклада более ограниченная — проанализировать то новое и специфическое, что вносит хрущевское руководство в доктрину мирового коммунизма.

В этой связи, конечно, нам придется говорить и о некоторых ведущих проблемах советской внешней политики, но это будет сделано лишь для иллюстрации того, что составляет вышеуказанный спецификум внешне-политической доктрины коммунизма на новом этапе.

I

Коммунистическая доктрина мировой революции, с тех пор как она была сформулирована ее основоположниками, претерпела много изменений. Сам Маркс смотрел на эту свою доктрину в разное время по-разному. Если в «Коммунистическом манифесте» он утверждал, что цели коммунистов могут быть достигнуты только насильственным свержением всего существующего социального и политического строя, то в предисловии «К критике политической экономии», а потом и в «Капитале» он утверждает прямо противоположное — революция (в том числе и коммунистическая) является следствием естественно-исторического процесса, следствием действий имманентных законов капитализма и что коммунисты, возглавляя революцию, играют лишь роль повивальной бабки. Энгельс, который жил дольше Маркса, пришел к общему выводу, что эра гражданских войн и революций вообще кончилась и что современная военная техника (конец XIX века) делает безуспешными баррикадные бои, тогда как пролетариат нашел в лице всеобщего избирательного права новое оружие для завоевания политической власти через парламент (предисловие к «Гражданской войне во Франции» Маркса). Ленин не верил ни автоматической революции Маркса, ни парламентскому пути Энгельса. Он

вернул марксизм к его первобытному состоянию — к «Коммунистическому манифесту» и разработал на этой основе цельный «план организации революции». Основная идея плана Ленина заключалась в том, что коммунистическая революция сама по себе не придет, но ее можно и нужно организовать, создав прежде всего субъективный фактор — партию профессиональных революционеров («Дайте нам партию революционеров и мы перевернем Россию» — говорил Ленин, «Что делать?»).

Однако самое важное — возможность успешной организации революции Ленин связывал с международными войнами. Война — вернейший и даже желательный источник коммунистической революции. Отсюда учение Ленина об империализме и само определение эпохи империализма, как «эпохи империалистических войн и пролетарских революций». Отсюда и известное определение ленинизма Сталиным, как «марксизм эпохи империализма и пролетарских революций», которое считается до сих пор классическим в советской литературе.

Правда, сам Сталин разошелся потом с Лениным в этом кардинальном вопросе. После того, как Первая мировая война принесла победу коммунизму только в одной России, а в послевоенной Европе коммунисты оказались лишь мало влиятельными сектантскими группами и особенно после Второй мировой войны, когда коммунисты могли прийти к власти в Европе лишь на штыках советской армии, Сталин сделал тот общий вывод, что ленинский план организации революций нуждается в пересмотре. Установка на то, чтобы организовать коммунистическую революцию местными силами в результате военного поражения данной страны оказалось битой окончательно. Это было подтверждено на опыте военного поражения ряда стран (Германия, страны Восточной Европы и Балкан), где коммунистические режимы были установлены не внутренними силами национальных коммунистов, а советской оккупационной армией. Реальна только одна сила — советская армия, как носительница революции и коммунистического режима. Таков был окончательный вывод Сталина.

Однако, переворот, произведенный термоядерным оружием в военной технике начисто уничтожил возможность новой сталинской концепции о путях победы коммунизма. Катастрофическая опасность риска собственной гибели сделала бессмысленной ставку на победу в результате советской военной агрессии. Стало совершенно очевидным, что новая война с ее всеуничтожающим новым оружием не будет похожа на старые классические войны. Она может оказаться концом всей цивилизации вообще. Сталин этого не хотел однако признавать. Он по-прежнему утверждал, что в результате третьей мировой атомной войны погибнет лишь капиталистический мир и, как следствие этого, во всем мире восторжествует коммунизм. Эта точка зрения проводилась в частности в отчетном докладе ЦК на XIX съезде КПСС.

На XX-ом съезде КПСС Хрущев подверг ревизии и Ленина и Сталина по вопросу о связях между войнами и революциями. Правда, это была не ревизия цели — цели остаются неизменными — захват власти и коммунистической диктатуры, — то была ревизия путей, методов и форм захвата власти. Главный вывод, к которому пришло хрущевское руководство заключается в том, что война как орудие и источник коммунистической революции, и советские вооруженные силы как носитель коммунистических режимов в чужих странах на время отпадают именно из-за появления термоядерного оружия. Поэтому пришлось пересмотреть учение Ленина об империализме и войнах. Пересмотр этот гласит, что фатальной неизбежности войны нет. Отсюда логически вытекала и вторая ревизия ленинизма — выдвижение тезиса о «мирном сосуществовании двух систем» — коммунизма и демократии. Ревизуя устаревшую тактику Ленина о связи между войной и революцией, снимая на время с порядка дня авантюрную и опасную тактику Сталина и Мао о завоевании мирового господства так называемыми войнами коммунистических армий, Хрущев возвращает доктрину ленинизма, как в свое время Ленин возвратил доктрину марксизма, к ее исходным позициям, к старому ленинскому плану «организации революции» в тылу свободного мира. Преимущество данного ленинского плана заключается в том, что при его уме-

лом выполнении, СССР не рискует ничем, ни войной, ни санкциями политического или экономического порядка против себя. Старый ленинский план «организации революции» становится в новых условиях наиболее разумным планом прихода к власти. Почти неограниченные материальные и политические ресурсы советской коммунистической империи с ее сателлитами в Европе и Азии, плюс коммунистический Китай, делает этот план и единственно реальным, куда более реальным чем тогда, когда он разрабатывался Лениным (1902).

Ревизия догматических установок Ленина о войнах, как спутниках империализма и о коммунистических революциях, как следствии этих войн, хрущевское руководство объясняет и оправдывает, во-первых, тем, что рядом с капиталистической мировой системой появилась новая коммунистическая мировая система, которая сдерживает первую систему; во-вторых, силы мирового коммунизма настолько выросли и растут с каждым годом, что они способны диктовать свободным странам свою волю вплоть до того, чтобы принудить их к разоружению. Хрущев прямо говорит: «теперь социалистические страны обладают невиданными ранее средствами воздействовать на капиталистические страны и, если хотите, даже вынудить их к соглашению о разоружении.» («П р а в д а», 21. 10. 60 года).

II

Однако, настойчиво выдвигая лозунг сосуществования, Хрущев несколько не изменяет тактического требования ленинизма. Тот же Ленин говорил, что «слишком часто бывало что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня» (Ленин, том 21, стр. 33, 3-е издание). В другом месте Ленин писал: «мы научились также — другому необходимому революции ис-

кусству — гибкости, умению быстро и резко менять свою тактику, учитывая изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался на данный период времени нецелесообразным, невозможным» (Ленин, том 27, стр. 29, 3-е издание). Или в третьем месте: «Необходимо усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности, не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня» (Ленин, том 24, стр. 26, 4-е издание).

Эту ленинскую диалектику Хрущев усвоил хорошо и сделал для себя весьма важные и для дела коммунизма столь же полезные выводы. Летом 1960 года на съезде румынской коммунистической партии, Хрущев так обосновал свою ревизию ленинского учения: «Нельзя поэтому без учета конкретной обстановки повторять то, что было сказано Лениным совершенно в иных исторических условиях. Если бы Ленин мог встать из гроба, он взял бы таких людей за ушко и поучил бы их, как нужно понимать суть дела. Мы живем в такое время, когда с нами нет Маркса, Энгельса, Ленина. Если мы будем поступать как дети, которые изучая азы слагают слова по буквам, то мы многого не достигнем. . . На основе марксизма-ленинизма мы сами должны анализировать современную обстановку и делать выводы, которые приносят пользу общему делу коммунизма («П р а в д а», 22. 6. 60).

В связи с этим Хрущев планирует победу коммунизма не в результате атомной войны, а в связи и на основе «сосуществования». Вот почему Хрущев заявил на XX-м съезде: «нередко можно услышать такие рассуждения: советские руководители утверждают что они за мирное «сосуществование» двух систем. И в то же время они заявляют, что борются за коммунизм, говорят что коммунизм победит во всех странах. Какое же может быть сосуществование с Советским Союзом, если он борется за коммунизм. . . Идеологи буржуазии умышленно смешивают вопросы идеологической борьбы с вопросами отношения между государствами. . . Мы верим, что все трудящиеся люди на земле рано или поздно станут на путь борьбы за построение социалистического общества» («П р а в д а», 15. 2. 1956). Другими словами Хрущев за дипломатиче-

ское «сосуществование» между правительствами, за идеологическую войну между социальными системами. Более того «сосуществование» есть для него необходимое условие для создания предпосылок по уничтожению самого «сосуществования». «Сосуществование» понимается, как злая неизбежность. Теоретические интерпретаторы Хрущева с неподражаемой откровенностью пишут, что имеет в виду Хрущев под своим «сосуществованием». Так один из них пишет: «учение о возможности мирного «сосуществования» и мирного соревнования двух систем не тактический лозунг, а составная и органическая часть ленинской теории о судьбах и перспективах мировой социалистической революции. Фундамент этой теории составляет объективно действующий закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма. Из действия закона неравномерности вытекает положение о том, что победа социалистической революции во всех странах одновременно невозможна... дальнейшее развитие мировой социалистической революции после победы октябрьской революции, учит ленинизм, будет протекать в виде отпадения от капиталистической системы отдельных стран или группы стран... в связи с этим отношения между государствами двух систем не могут исчерпываться только столкновениями и конфликтами». (И. Ф. Ивашин, «Очерки истории внешней политики СССР», Москва, 1958 год, стр. 10).

То же самое повторяет и такой авторитетный представитель коммунизма, как лидер немецких коммунистов Макс Рейманн. Он говорит, что теория «мирного сосуществования» вытекает из ленинского учения о невозможности победы коммунистической революции одновременно во всех странах. Он пишет: «Ленинский принцип „мирного сосуществования“ вытекает из ленинской теории мировой социалистической революции. Согласно этой теории революция побеждает первоначально в нескольких или даже одной отдельно взятой стране. Отсюда и вытекает сожительство социалистических и капиталистических стран в течение определенного времени. . . Но речь идет об особой форме классовой борьбы. . . как

известно классовая борьба между пролетариатом и буржуазией происходит на трех основных фронтах — на политическом, экономическом и идеологическом. Ни в одной из этих областей не может быть никакого примирения между социализмом и капитализмом». (Журнал «Проблемы мира и социализма», № 10, стр. 4-5, 1960).

Таким образом, коммунисты стоят на точке зрения «существования» только потому, что они не в состоянии покончить со всем свободным миром одновременно. Они, согласно теории Ленина о «слабом звене», думают покончить со свободным миром не сразу, а прибрать страну за страной и группу стран за группой стран. Поэтому «существование» не цель, а средство к осуществлению цели. Тот же Рейманн утверждает: «Холодная война затрудняет классовую борьбу пролетариата, тормозит и развитие национально-освободительного движения...» и, наоборот, «мирное существование» обнажает классовые противоречия буржуазного общества, помогает срывать с них покров шовинизма и милитаризма, содействует размежеванию социальных и политических сил и сплочению трудящихся вокруг рабочего класса» (Там же, стр. 9).

Рейманн убежден, что «мирное существование» вносит раскол и в среду западных союзников. Он пишет: «Когда принцип «существование» проводится в жизнь, усиливается напряженность в системе империалистических пактов... Отсюда развитие острых разногласий внутри основного империалистического блока — НАТО» (там же, стр. 10).

Как раз из новой теории о «существовании» вытекал и другой вывод, к которому пришел Хрущев на XX съезде, а именно: возможность для коммунистов прийти к власти и парламентским путем. Хрущев говорил на этом съезде: «В этой связи возникает вопрос о возможности использования и парламентского пути для перехода к социализму... завоевать прочное большинство в парламенте и превратить его из органа буржуазной демократии в орудие действительно народной воли» («Правда», 19. 2. 1956). Хрущев признал этот путь одинаково пригодным и для Запада и для бывших

колоний. Он говорит: «Завоевание прочного парламентского большинства создало бы для рабочего класса в ряде капиталистических и ряде колониальных стран условия, обеспечивающие коренные социальные преобразования» (там же).

Исходя из этого XX съезд КПСС дал установку коммунистическим партиям всех стран заключить тактические союзы со всеми «временными союзниками» — с буржуазно-радикальными партиями («народный фронт»), с социалистами («единый фронт») и с буржуазными националистами («национальный фронт»).

Комментируя доклад Хрущева, один из его тогдашних помощников говорил на съезде, что новая линия означает создание самого широкого фронта «всех трудящихся», будь то католики или протестанты, последователи буддизма или ислама» («П р а в д а», 17. 2. 1956). В резолюции самого XX съезда записано:

«Установить деловые контакты между компартиями и социалистами а также и другими партиями, которые на деле хотят отстаивать мир, бороться против империалистического гнета, защищать национальные интересы, демократию и независимость» («П р а в д а», 25. 2. 1956).

Хорошо известно что большевики понимают под независимостью, суверенитетом и демократией. Однако, важно подчеркнуть другое — коммунисты готовы идти на любые ухищрения, чтобы испробовать и легальный путь к власти при помощи самых нелегальных средств. В этом они верны требованиям Ленина: «надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях» (Л е н и н, том 25, стр. 177, 3-е издание). Ленин требовал большего: «если туда не пускают коммунистов... надо уметь пойти на все и всякие жертвы, даже — в случае надобности на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, скрывание правды... конечно, в Западной Европе, особенно пропитанной буржуазно-демократическими предрассудками, такую вещь проделать труднее. Но ее можно и должно проделать и проделывать систематически» (Л е н и н, там же, стр. 199).

Это вовсе не означало и не означает, что парламентский путь захвата власти («мирная революция» признается отныне главным. Нет, главным по-прежнему остается старый путь — путь восстаний и гражданских войн, поэтому XX съезд записал: «не подлежит сомнению, что для ряда капиталистических стран, где капитализм еще силен, где в его руках огромный военно-полицейский аппарат, резкое обострение классовой борьбы является неизбежным» (XX съезд КПСС, стенографический отчет, том 2-й, стр. 415). Даже больше. Конференция руководителей коммунистических партий в Москве (ноябрь 1957) и в Бухаресте (июнь 1960) подчеркнули, что «в современных условиях необходимо исходить из возможности победы социалистической революции немирным путем» (журнал «Политическое самозавоевание», № 9, стр. 47, 1960).

Но и в парламент коммунисты идут для того, чтобы уничтожить парламент. Один из теоретиков Кремля пишет по этому вопросу ясно и лаконично: «марксисты-ленинцы видят в парламентской борьбе одно из средств социалистической революции о переходе от капитализма к социализму, сущностью которого является диктатура пролетариата» (там же, стр. 49).

В данном случае теоретики Кремля повторяют установки Ленина. Ленин писал: «коммунизм отрицает парламентаризм, как форму будущего общества, он отрицает возможность длительного завоевания парламента: он ставит своею целью разрушение парламентаризма». Поэтому речь может идти лишь об использовании буржуазных парламентских учреждений с целью их разрушения» (Ленин, том 25, стр. 581. 3-е издание). Ленин указывал далее, что «вся работа коммунистов в коммунальных учреждениях должна явиться частью их работы над разложением в капиталистической стране» и что поэтому говорит Ленин, «**революционный штаб заинтересован иметь свою разведку в парламентских учреждениях для облегчения этой разрушительной задачи**» (стр. 582, 580).

Таким образом, новое в доктрине Хрущева о мировом господстве сводится к тому, что он пересматривает теорию Ле-

нина о революции, как результате мировой войны, и отказывается от теории Сталина прямой агрессии советскими вооруженными силами там, где он рискует гибелью советского режима. В основе пересмотра обеих теорий лежит указанный выше переворот в военной технике. Поэтому вполне понятно и настойчивая кампания Кремля по атомному разоружению. Обычно принято обращать внимание на пропагандную сторону этой кампании, однако, для большевиков она — нечто большее, нежели пропаганда. Только уничтожение термоядерного оружия именно и обеспечивало бы за коммунистическим блоком превосходство и в классическом оружии и в хорошо обученном человеческом материале. Но как раз только такое атомное разоружение и спровоцировало бы Москву и Пекин на третью мировую войну.

Анонимная дискуссия, которую ведут между собой Пекин и Москва по теоретическим вопросам коммунизма, имеет своим положительным результатом то, что в поисках более убедительных аргументов против «левых сектантов» Кремль сам невольно и нехотя разоблачает главные причины, в силу которых он стал на путь ревизии ленинского учения о связи между войной и революцией и о необходимости курса на «мирное сосуществование». Теоретик Хрущева по международному коммунизму Пономарев пишет: «Никогда еще борьба за предотвращение войн не приобретала такого значения, как в настоящее время, это объясняется тем, что **атомное и водородное оружие придает новый характер современной войне**. . . наступил такой период, когда фактически **все человечество** кровно заинтересовано в том, чтобы предотвратить войну» («П р а в д а» 12. 8. 1960). Другой теоретик Кремля спрашивает: если учение Ленина о неизбежности войны в эпоху империализма остается в силе, то «зачем созидать, строить, творить, если заранее знать, что все плоды твоего труда будут уничтожены смерчем войны. . . нельзя не видеть также, что в результате современной войны человечество будет испытывать огромные трудности, возводя новый общественный строй на развалинах, оставшихся после военной катастрофы» («П р а в д а», 7. 8. 1960).

На вероятные упреки со стороны китайцев, что курс на

«мирное сосуществование» не только антиленинский курс, но он призван еще продлить жизнь капитализму и поэтому является оппортунистическим курсом, Кремль отвечает доводами, которые с откровенным цинизмом объясняют нам, что такое «мирное сосуществование» и для какой цели оно провозглашено. Цитированный Пономарев пишет: «иногда приходится встречаться с такими вопросами: а не мешает ли принцип «мирного сосуществования» развитию классовой борьбы в капиталистических странах? Нужно прямо сказать, что подобные вопросы — плод нежелания понять принцип «мирного сосуществования». Сам этот принцип не что иное, как **высшая форма классовой борьбы** между двумя противоположными системами — между капитализмом и социализмом» («П р а в д а», 12. 8. 1960). «Высшей формой классовой борьбы» на языке большевиков называются — революционные восстания и гражданские войны. Вот что оказывается скрывается под идиллической формулой «мирного сосуществования»!

Пономарев хочет быть еще более конкретным, когда разъясняет «политику дальнего прицела» Кремля по вопросу о «сосуществовании». Он говорит: «в условиях мирного сосуществования классовая борьба в капиталистических странах не затихает, а усиливается, обостряется, позволяя рабочему классу вести ее вплоть до самых решительных действий против капиталистической монополии и их государства, что не только сохраняются, но и **возрастают в огромной степени возможности для революции**» («П р а в д а», там же).

Наконец, Пономарев сообщает нам вывод, к которому пришел Кремль в отношении дальнейших перспектив «мирного сосуществования». Этот вывод было бы полезно запомнить больше Западу, чем Востоку. Он гласит: «сейчас, когда существует социалистический лагерь, объединяющий свыше миллиарда людей, наступил именно период, который предвидел Ленин, период интернациональной диктатуры пролетариата...» («П р а в д а», там же).

III

Однако, возвращение к теории организованной революции Ленина не означает простого повторения ленинских рецептов. Новая доктрина Кремля существенно развивает и дополняет Ленина. Здесь с полным правом можно говорить о творческом развитии ленинской теории и практики коммунистической революции. В основе этого «творческого развития» лежит необходимость приспособить тактику к конкретным условиям времени. Это, в свою очередь, вытекает из того, что пересматривается сама теория революции — о ее социальном содержании, о движущих силах, этапах и фазах. У Ленина было два типа современных революций — «буржуазно-демократическая» революция (в странах феодально-абсолютистских порядков) и «пролетарская революция» (в промышленно развитых и демократических странах). Доктрина Хрущева провозглашает теперь и третий тип революции — «демократическую революцию» в демократических странах! Не нужно думать, что тут мы имеем дело с игрой в терминологию. Наоборот, речь идет о цельной и продуманной концепции.

Новая доктрина утверждает, что в высокоразвитых капиталистических странах образовались мощные финансовые и промышленные монополии, монопольный капитал, свержение которого является не задачей социалистической, а демократической революции. Новая схема исходит из того, что монопольный капитал ненавистен не только рабочему классу, но и мелкой и средней буржуазии. В такой же мере его отвергает и крестьянство. Монопольный капитал держит в своих руках не только экономический аппарат страны, но и государственную власть через своих прямых ставленников в правительстве. Вот «в борьбе за ограничение, а затем и ликвидацию монополий» заинтересованы все главные классы страны — средняя и мелкая буржуазия, крестьянство и рабочий класс. Задача коммунистических партий выдвигать требования, одинаково приемлемые для всех этих классов — национализация монополий, защита интересов мелкой и средней буржуазии, требование аграрных ре-

форм в пользу крестьянства, установление демократического контроля над капиталовложением в промышленности и сельском хозяйстве, «участие трудящихся во всех областях экономической жизни». Вокруг этих требований можно создать «блок всех прогрессивных сил» — так называемый «демократический фронт». Такой «демократический фронт», мотором которого должны являться компартии (хотя не всегда на первом плане!), проводит «демократическую революцию» в стране с образованием «демократического правительства» с участием как коммунистов, так и «прогрессивно-буржуазных» и социалистических партий. На этом этапе никаких лозунгов вроде «пролетарской революции» и «диктатуры пролетариата» не выдвигается. Но такая демократическая, так сказать «предварительная», революция признается необходимой и неизбежной фазой к революции чисто коммунистической (тут в основе лежит идея Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую). Наиболее толковое обоснование новой доктрины дает журнал «К о м м у н и с т» в № 13. Журнал пишет: «Разрешение общедемократических задач становится необходимым условием перехода к социализму и в высокоразвитых странах капитализма» (стр. 22). «Это разрешение можно мыслить двояко. В одних случаях это может быть антимонопольная, общедемократическая революция... Такой вариант вполне вероятен для стран, где утвердились особенно реакционные режимы и где зависимость от американского империализма зашла так далеко. В другом случае, это может быть демократической фазой единого революционного процесса... В этом случае уже на первом этапе были бы разбиты главные силы реакции... Это открыло бы дорогу для быстрого течения революции в направлении социалистического переворота» («К о м м у н и с т», № 13, 1960, стр. 22-23). В этой связи особо важное значение придается «движению сторонников мира», которое рассматривается как средство для целей коммунистической революции. «К о м м у н и с т» пишет:

«В сущности, борьба за мир и демократию и классовая борьба пролетариата за свое освобождение в наших услови-

ях имеет общего противника — реакционно-монопольный капитал. Он служит главной преградой на пути к демократии и прочному миру и на пути к социализму. Это значит, что эти демократические виды борьбы, отнюдь не сливаясь, еще более сблизились между собою чем прежде». («К о м м у н и с т», № 13, 1960, стр. 21). И журнал приходит к общему выводу:

«Из этого следует, что борьба за общеморальные требования может объективно послужить мостом для перехода к социалистической революции» («К о м м у н и с т», стр. 21). После всего этого журнал делает и важную оговорку: «Все это не исключает, разумеется, возможности прямого взятия власти рабочим классом» (там же, стр. 23).

Принципиально новым является положение о распространении теории пролетарской революции на малоразвитые страны, на бывшие или настоящие колонии. Тут по Ленину (и по Сталину) в результате победоносной национально-освободительной войны колониальные народы создавали буржуазно-демократические республики, перед которыми стояли чисто буржуазные задачи. Только те колонии, которые оказывались в сфере коммунизма, автоматически становились на путь «внекапиталистического развития» — «строительства социализма» (Средняя Азия, Казахстан, Монголия, Кавказ). «К о м м у н и с т» сформулировал новое положение о возможности непосредственной победы коммунизма в малоразвитых странах и в бывших колониях в следующем положении: «Опираясь на экономическую и политическую поддержку социалистической системы (т. е. СССР и его блока — А. А.), **любая страна мира, независимо от уровня ее развития, имеет возможность осуществить переход к социализму**» (там же, стр. 15). Ленин говорил, что социалистическая революция не обязательно должна сначала победить в высокоразвитой промышленной стране, но Ленин добавлял, что она не может победить и в Африке. Какой-то средний уровень промышленного развития все-таки нужен.

Новая доктрина идет гораздо дальше Ленина. Экономическая и политическая мощь СССР призвана обеспечить победу

коммунизма и в малоразвитых странах. И это называется, что Кремль не признает — «экспорта революции»!

Кремль не оставляет никакого сомнения, что своей экономической мощью, военной силой и политическим влиянием он будет пользоваться для исполнения своего так называемого «интернационального долга» — по оказанию помощи революциям в чужих странах. Кремль провозглашает прямую государственную поддержку, даже интервенцию СССР в дела чужих стран, если тамошним революциям угрожают другие внешние силы. Его орган пишет: «Социалистические государства имеют реальную возможность парализовать вмешательство международной реакции в дела страны, совершающей революцию» (стр. 13).

Новая доктрина по вопросу о **формах революции** рассчитана на то, чтобы сделать ее удобоваримой для социал-демократии и либеральных кругов общества. Главный вопрос тут гласит: может ли быть мирная, бескровная пролетарская революция? Можно ли прийти к власти на парламентских, легальных путях? Как мы уже видели, XX съезд КПСС ответил на этот вопрос положительно. Пекин отвечал и отвечает отрицательно, ссылаясь на авторитетные высказывания Ленина. Однако Кремль отводит цитаты из Ленина, выставляя новый аргумент: «Реальная возможность **победоносной мирной революции** в ряде капиталистических стран возникает, по существу, лишь в современную эпоху» («Коммунист», № 13, стр. 26).

Пекин называет требование Кремля о всеобщем разоружении иллюзией, утопией в условиях капитализма (так говорит и действующая программа КПСС), а Кремль весьма откровенно разъясняет: «Для ряда стран более вероятно, чем прежде, мирные пути революции, завоевание власти без гражданской войны и вооруженного восстания. Но для этого необходимо, чтобы господствующие классы были лишены возможности пустить в ход оружие, использовать полицию, армию... А такое положение может возникнуть в силу многих причин: ослабления милитаризма в результате успехов политики разоружения...» (стр. 27).

Таким образом выясняется, что план Хрущева о всеобщем

разоружении является частью новой доктрины Кремля по организации коммунистических революций в тылу свободного мира. Разоружение, оказывается, нужно Хрущеву, чтобы лишить свободные государства их внутренних оборонительных сил против восстаний и гражданских войн — уничтожить у них армию и полицию, чтобы коммунисты могли прийти к власти «мирно»!

IV

Исключительное значение, особенно в перспективе, имеет и совершенно новое оружие в революционном арсенале Кремля — это, во-первых, так называемой «мирное соревнование двух систем — социализма и капитализма» и, во-вторых, мирная экономическая экспансия СССР в малоразвитые страны. Во времена Ленина этот экономический фактор в политике мировой революции не играл никакой роли. Но он предвидел его значение. Он писал: «Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. . . На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно» (Ленин, том XXVI, стр. 410-411, издание третье, 1932 г.).

Исходя из этого тезиса Ленина, кремлевское руководство разработало цельную экономическую доктрину проникновения в тыл свободного мира, захвата малоразвитых стран. Эта новая экономическая доктрина исходит из двух установок, которые Хрущев огласил на XXI съезде:

1. В результате выполнения семилетки и дальнейшего развития экономики всего коммунистического блока, страны коммунизма будут производить более половины всей мировой промышленной продукции.
2. После выполнения семилетки, плюс еще пять лет, СССР выйдет на первое место как по абсолютному объему производства, так и по производству продукции на душу населения.

Рассмотрим в этой связи вопрос о характере и значении «экономической помощи СССР» слаборазвитым странам.

С самого начала надо заметить: и Запад и Восток оказывают эту помощь не ради самой помощи, а для достижения своих определенных целей. Посмотрим, каковы эти цели. Когда мы имеем в виду Запад, то не приходится говорить о единой согласованной цели. Несмотря на общность демократической системы, несмотря на то, что и потенциальный враг у них тоже один, общий для всех, все же единой линии в хозяйственной политике у западных держав нет и не только в Азии и в Африке, но даже у себя дома (например, в Европе существуют два хозяйственных блока держав, фактически противостоящих друг другу). Это объясняется социальной природой западных держав, экономика которых покоится на принципе частной собственности и конкуренции.

Если мы возьмем самую богатую и главную державу Запада — США, то и она выступает в азиатско-африканских странах в двух лицах — и как правительство (в ограниченном масштабе ввиду ограниченности средств), и как частные американские фирмы, компании, корпорации. Цель частного капитала в малоразвитых странах ясна — профит, экономическое обогащение. Правда, он несет с собою социально-культурные институты, которые служат на пользу местного населения. Но это следствие, а не цель. Другое дело — правительство. В данном случае цель американского правительства вытекает из непосредственных интересов государственной безопасности США, из нужд самообороны. Как раз после второй мировой войны американцы поняли, что времена их беспечного изоляционизма канули в вечность. Америка является одновременно и тихоокеанской и атлантической державой и ей уже далеко не безразлично, что делается на далеких берегах этих двух океанов. Наоборот, в нынешних условиях идеальной коммуникации на суше, на воде и в воздухе, когда расстояние перестало играть роль, американцы поняли, что безопасность европейских и азиатско-африканских народов является условием собственной американской безопасности. Безопасности этих народов

грозит отныне один тип империализма — это советский империализм и колониализм.

Как мы указывали в другом месте (см. «Проблемы советской политики», стр. 2-3, издание Института по изучению СССР, Мюнхен, 1959 г.), советский империализм не есть повторение общеизвестных нам вариантов классического империализма. Он вненационален, а потому он является революционным и динамичным. Он не является также и чисто экономическим империализмом — он скорее империализм идеократический. Его, в первую очередь, интересует не сырье, не рынок сбыта, не даровой труд, не место приложения капитала, — все то, что интересовало капиталистический империализм, — его интересуют люди, для установления над этими людьми определенного политического и идеологического режима. Классический империализм не навязывал колониям и завоеванным народам своего порядка и своей идеологии. Советский империализм главным образом преследует эти цели, благоразумно считая, что все остальное приложится. Вот почему советский империализм является и более эластичным и пока что более успешным завоевателем, чем любой из бывших западных завоевателей в Азии и в Африке. Западные колонизаторы дискредитировали себя в завоеванных странах, кроме всего прочего, и как высокомерные, порою бездушные шовинисты, а советские колонизаторы приходят под знаменем интернационализма и в маске милосердных, как они говорят, «бескорыстных» благодетелей. Западные колонизаторы приходили забирать, а советские приходят «дарить». Западные колонизаторы ушли — одни добровольно, другие против своей воли — советские колонизаторы не уйдут, ибо им некуда уйти. Они у себя дома. Они не московские коммунисты, а аборигены, которых вырастила, вскормила и привела к власти московская власть, как это произошло в странах «народной демократии» в Европе и в Азии. Москва через свою эластичную национальную политику создает тот «новый класс», который становится опорой и гарантией долговечности нового типа империализма — красного империализма.

О цели советской экономической помощи уже дан ответ

по существу. Однако, остановимся на ее характере, объеме, географии и на том, как сами идеологи Кремля оценивают свою помощь.

Прежде всего совершенно неразумно говорить человеку голодному, чтобы он отказался от хлеба, если он ему дается со стороны и, по всей видимости, даже бесплатно. Многие африкано-азиатские народы еще не стали на свои собственные экономические ноги. Богатства на земном шаре распределены крайне неравномерно. Социальные контрасты не только внутри, но и между отдельными народами настолько велики, что это вызывает серьезную тревогу у ответственных представителей общественного мнения Запада. Нищета многих народов настолько кричащая, что это грозит физическим вырождением целых народов. Вот там, где нищета, неблагоустроенность, социальная несправедливость — там коммунизм в своей стихии.

К политике усиления торговли и торговых связей, технической и экономической помощи слаборазвитым странам СССР приступил только после смерти Сталина. Сталин отрицательно относился к такой политике, предпочитая политике прямых действий в этих странах — революции, восстания, гражданские войны.

Сталин продолжал считать национальные правительства бывших зависимых стран «марионетками», ставленниками или просто «агентами империализма». Поэтому он считал, что оказывать помощь таким правительствам — значит оказывать помощь стоящим якобы за ними западным державам. Это была вредная для самого СССР политика. Ученики Сталина сразу поняли ошибочность сталинской политики и соответственно пересмотрели ее. Результаты новой политики Кремля сказались очень скоро. Так, в 1958 г. торговый оборот СССР со слаборазвитыми странами увеличился по сравнению с 1953 г. более чем в шесть раз. Торговля, например, с Индией за это же время увеличилась в 44 раза! (Коммунист, № 15, 1959 г., стр. 3).

Об объеме советской экономической помощи слаборазвитым странам Москва не делает до сих пор никаких официальных сообщений. И это понятно. Само советское насе-

ние живет уже более сорока лет в полунищенском положении. Поэтому помощь Москвы другим народам не могла быть популярной в народе. Но в конце 1959 г. на страницы специальной печати проникли некоторые официальные данные на этот счет. Советский автор подтвердил там цифровые данные, приведенные в известной книге Д. Берлинера («Советская экономическая помощь», 1958 г.). Так, по этим данным, СССР и страны его блока заключили соглашения о предоставлении кредита на развитие национальной экономики 16 странам (Индия, Объединенная Арабская Республика, Афганистан, Индонезия, Цейлон, Бирма, Камбоджа, Аргентина, Непал, Судан, Йемен и др.) на сумму в 1,6 миллиардов долларов, тогда как США, по этим советским цифрам, за период с 1945 г. по 1957 г. этим же странам отпустили кредит всего на сумму 0,8 миллиарда долларов. Советский журнал заключает:

«Таким образом СССР и другие социалистические страны только за пять последних лет вложили в строительство предприятий тяжелой индустрии, ирригационных сооружений и других объектов в указанных выше 16 странах в 2 раза больше средств, чем США за тринадцать лет» (Коммунист, № 15, 1959 г., страница 113).

Причем СССР не просто предоставляет кредит, а он сам поставляет новейшие промышленные оборудования, машины, производит монтаж и пуск в эксплуатацию этого оборудования, производит изыскательные и проектные работы. Другими словами, поставляет договорным странам и целые отряды советских специалистов, среди которых, конечно, есть и специалисты из органов советской военной и политической разведки. При этом СССР старается выгодными условиями своего кредита занять монопольное положение в слаборазвитых странах. Совершенно уверенно можно говорить, что советские кредиты были бы предоставлены этим странам без всякого процента, если бы Кремль не боялся вызвать подозрение у слаборазвитых народов о подлинных политических целях коммунистической помощи. Орган ЦК КПСС не без гордости пишет: «На примере Индии и других

экономически слаборазвитых стран можно видеть, что социалистические страны предоставляют займы и кредиты на льготных условиях.

Советский Союз и другие социалистические страны дают кредиты и займы, как правило, с выплатой 2,5% годовых и погашением в срок от 12 до 30 лет. Погашение кредита может производиться традиционными экспортными товарами данной страны или местной валюты («Коммунист», № 15, 1959 г., стр. 113), тогда как западные страны берут 5—5,5% годовых. Один лейбористский депутат писал недавно в советской газете, что СССР дает, например, английским колониям кредит на более выгодных условиях, чем даже сама Англия («Литературная газета», 5. 1. 1960 г.).

Руководители советской политики всегда подчеркивают, что они оказывают «бескорыстную» помощь, что у них нет никаких других целей, кроме благополучия слаборазвитых стран.

Советские пропагандисты в печати весьма сдержанно комментируют характер и значение советской помощи. Тем не менее им не удастся скрыть подлинной политической, или, как выразился один советский писатель, **программно-стратегической** цели советской экономической помощи слаборазвитым странам. Цитированный нами «Коммунист» несколько завуалированно, но довольно ясно для тех, кто привык разбираться в советском жаргоне, пишет:

«Было бы неправильно оценивать экономическую помощь СССР и других социалистических стран только с точки тех непосредственных выгод, которые получают слаборазвитые страны. Эта помощь имеет огромное значение и потому, что оказывает благотворное влияние на борьбу слаборазвитых стран за равноправные отношения с империалистическими державами» («Коммунист», № 15, стр. 116, 1959).

Так как «империалистическими державами» считаются все державы мира, кроме коммунистических, то понятно, что орган ЦК КПСС говорит об использовании советской экономической помощи в борьбе против демократии. Впрочем, более ясно, более определенно освещает и комментирует по-

литическую основу, политическую цель советской помощи другой журнал ЦК КПСС. Подчеркивая, как и журнал «Коммунист», что СССР помогает, главным образом, созданию не частных, а государственных предприятий в слаборазвитых странах, журнал ЦК пишет (журнал «В помощь политическому самобразованию», № 12, декабрь 1959 г., стр. 53):

«Развитие промышленности создает более многочисленный, более постоянный и более сплоченный пролетариат. Борьба за национализацию собственности монополий и развитие государственного сектора экономики закладывает предпосылки для возникновения социалистической промышленности... Великодушная помощь социалистических стран, которые помогают странам, завоевывающим независимость, помогает покончить с недоверием к идее социализма и коммунизма, а это также помогает делу продвижения к социализму».

«Великодушная помощь» слаборазвитым странам должна, оказывается, привести, в конечном счете, к победе там коммунизма! Более ясного и более справедливого комментария нельзя найти даже в западной прессе.

Таким образом, экономическая помощь Кремля является не самоцелью, а средством к цели — к большевизации «мирным» путем слаборазвитых стран. Было бы наивно думать, что правительство, которое десятилетиями держит собственный народ в нищете, искренне заинтересовано в благополучии чужих народов по каким-либо гуманистическим соображениям. В Кремле сидят реалисты и циники. За каждым их практическим шагом в Азии и в Африке стоит большая политика. Эта политика исходит из главного марксистского положения — кто господствует в экономике, тот господствует и в политике. Недаром Ленин утверждал, что «политика есть конденсированная экономика». Раньше Россия не могла, в силу своей отсталости, претендовать на экономическую экспансию в чужие страны, теперь она в состоянии это сделать. Вот почему Хрущев говорил на XXI съезде в 1959 г. («Правда», 28. 1. 1959 г.):

«Еще тогда, когда закладывались основы социализ-

ма, наша партия знала, что неизбежно наступает этап решающего экономического состязания с капитализмом и социализм покажет всю свою силу. Теперь можно сказать, что такой этап наступил».

На съезде Румынской коммунистической партии Хрущев так сформулировал значение советского экономического наступления для судьбы мирового коммунизма:

«Говоря образно, успехи социалистических стран являются такой многоступенчатой ракетой, которая непременно выведет народы всего мира на орбиту коммунизма» («П р а в д а», 22. 6. 1960 г.).

V

Однако, экономическая экспансия не есть единственный метод «большой политики» Кремля в малоразвитых странах.

Ленинское учение о «перерастании национально-колониальной революции в революцию социалистическую» целиком остается в силе. Более того. Оно впервые только теперь становится актуальным, после того, как национальная независимость азиатско-африканских народов стала фактом.

Идеологи коммунизма сейчас обращают особое внимание на практические вопросы организации внутреннего коммунистического фронта среди названных народов. «Национальная буржуазия — теперь главный враг», — вот лозунг этого фронта. Под «национальной буржуазией» понимаются все, от рабочих, крестьян, интеллигентов и до действительных буржуа, если таковые отрицают, отвергают ленинскую программу перерастания национальной революции в революцию социалистическую, т. е. в революцию коммунистическую.

В журнале ЦК КПСС «В помощь политическому самообразованию» (1959 г., № 12, стр. 46-47), в статье под характерным заглавием «Что же после завоевания независимости?», говорится:

«Национальная буржуазия двулика, как Янус; с одной стороны, она вместе с рабочими против империали-

стов, с другой стороны, она против рабочих... Класс национальной буржуазии неустойчив, он не является до конца антиимпериалистическим».

Поэтому задача национальных коммунистов заключается, по словам журнала, в том, что «в ходе борьбы за национальную независимость рабочий класс старается постепенно взять в свои руки дело руководства... для того, чтобы завершить борьбу за независимость, завершить экономическое, политическое и военное раскрепощение и этим самым открыть путь к социализму».

Коммунисты сами даже не скрывают, что «экономическая помощь» не есть их самоцель. Они открыто признают, что эта помощь только создает предпосылки для победы коммунизма. Для того же, чтобы использовать эти возможности, надо совершить еще один шаг — захватить политическую власть над страной. Цитированный выше автор так и пишет:

«Экономическое развитие указанных независимых государств не является еще социализмом... Для достижения социализма необходим еще один сдвиг в вопросе о принадлежности власти тому или иному классу: на этот раз власть должна перейти из рук национальной буржуазии в руки рабочего класса в союзе с массами крестьянства» (там же, стр. 51).

Другими словами, власть должна попасть в руки местной коммунистической партии.

Журнал говорит и о сроках захвата власти коммунистами. Тут он, правда, проявляет достаточную осторожность. Он не предугадывает и не предопределяет сроков, а полагается на благоприятную внешнюю и внутреннюю обстановку, на активность и инициативу самих национальных коммунистов. Журнал пишет по этому поводу:

«Вопрос о времени, т. е. о том, когда страны, завоевывающие свою независимость, осуществят переход от демократического этапа революции к социалистическому, зависит от расстановки классовых сил как на международной арене, так и внутри данной страны» (там же, стр. 52).

Ленин говорит, что хотя бы все объективные факторы, необходимые для победы коммунистической революции, были налицо, такая революция не произойдет, а если произойдет, то потерпит поражение в случае отсутствия главного решающего фактора — «субъективного фактора» — коммунистической партии.

В полном согласии с этим учением Ленина, СССР держит сейчас курс на организационное укрепление, идеологическое вооружение коммунистических партий в слаборазвитых странах. Поэтому руководители СССР стараются поддерживать местных национальных коммунистов не только по линии верховного партийного руководства из ЦК КПСС, но и по линии государственной политики — по каналам советских торговых, экономических и дипломатических акций в соответствующих странах.

Это иной раз создает трудности для советского коммунистического руководства (Ирак, Объединенная Арабская республика, Индия). Но, в крайних случаях, Кремль отмежевывается от местных коммунистов в каких-либо ничего не говорящих дипломатических заявлениях, или в закрытых успокоительных письмах Хрущева (например, письмо Хрущева президенту Нассеру после XXI съезда). Тем временем СССР занимается своим делом — укреплением и инструктированием национальных коммунистических партий, ибо это основа будущих побед коммунизма.

Это и имеет в виду журнал ЦК, когда заключает цитированную выше статью следующими словами:

«В капиталистическом мире, как показал опыт, ни одна социал-демократическая партия не построила социалистического общества. Это относится и к странам, завоевавшим независимость, так как в этих странах ни одна партия национальной буржуазии, сколько бы «социалистических» лозунгов она ни выдвигала, никогда не построит социализма (здесь, конечно, речь идет о Неру и Нассере — А. А.). Для построения социализма рабочему классу нужна своя партия, опирающаяся на марксизм-ленинизм».

О перспективах победы таких «марксистско-ленинских партий» в азиатско-африканских странах в советской печати говорят **весьма оптимистически**. Советские руководители думают, что поставленные перед альтернативой — путь коммунизма или путь демократии — народы Азии и Африки выберут коммунистический путь развития.

Руководящий советский журнал по азиатско-африканским вопросам пишет по этому вопросу:

«Нынешняя историческая эпоха выдвинула два пути развития бывших колониальных и зависимых стран Азии и Африки... Один путь — народно-демократический... Другой путь — буржуазно-капиталистический... Капитализм, как общественный строй, изжил себя. Теперь, — как подчеркивал Хрущев на XXI съезде — опытом всех социалистических стран Европы и Азии доказано, что подлинный прогресс возможен только на путях социализма... В настоящее время буржуазные страны Востока находятся на перепутьи... Если исходить из перспектив соревнования двух мировых систем на международной арене, то социалистическое будущее неизбежно станет явью для громадного большинства народов Востока! («Современный Восток», 1959 г., № 11, стр. 15-16).

Каковы же **действительные перспективы** развития бывших колониальных народов? Способны ли они выдержать постоянный, все усиливающийся внутренний и внешний натиск интернационального коммунизма?

По какому пути они будут идти — по коммунистическому или демократическому?

Дать сколько-нибудь удовлетворительный ответ на эти вопросы невозможно.

Сейчас идет весьма интенсивная психологическая борьба между Востоком и Западом как раз по вопросу о «**двух путях**».

Пока преимущество в этой борьбе еще на стороне коммунизма.

Несмотря на недавние жестокости коммунистического империализма в собственном тылу при подавлении нацио-

нально-освободительных революций (СССР в Венгрии, Китае в Тибете), он все еще успешно играет в союзника африкано-азиатских народов.

Самое главное — советский коммунизм действует **организованно и целеустремленно**. Он действует **систематически** и по заранее составленному плану. Он действует **эластично** и по всем направлениям. Он действует при наличии **почти неограниченных материальных средств**, употребляемых для пропаганды его политических целей. Он действует **бесконтрольно и независимо от своих народов**. Он действует **самодисциплинированно**. Он имеет величайший **опыт инфильтрации и конспирации**. Он **абсолютно свободен от любых моральных норм** человеческого общежития. Он жесток, коварен и неразборчив, он **жесток и фанатичен** в борьбе за свое дело.

Что же может противопоставить всему этому свободный мир? Как остановить дальнейшее победное шествие коммунизма? Как предупредить организацию мировым коммунизмом новой мировой катастрофы?

Трудно отвечать на подобные вопросы.

Но одно кажется почти бесспорным: освобождение порабожденных коммунизмом народов от коммунистической тирании есть **единственная гарантия** дальнейшего существования и самого свободного мира.

Такое освобождение не может быть результатом безрассудной атомной войны. Оно должно и может быть результатом внутреннего политического процесса.

Силы свободы, помогающие ускорению этого судьбоносного процесса, помогают собственному спасению.

В. РУДОЛЬФ

Советское общество сегодня

Что характерно для современного советского общества? Что нового в состоянии умов в Советском Союзе? Каковы настроения среди разных слоев советского общества? Ответы на эти вопросы вы можете искать, прежде всего, в советской художественной литературе: романах, рассказах, в поэзии, очерках. Затем — в свидетельских показаниях, рассказах современных людей, попадающих на Запад — у тех немногих кому удалось выехать из Советского Союза, у тех, кому удалось бежать за границу (при условии, если они сохраняют советскую реакцию на вещи и события, а не изменили ее с переменой местожительства) и в какой-то мере у советских туристов, если удастся установить с кем-либо из них хотя бы кратковременный, но непосредственный контакт. Затем идет советская печать, которой нужно пользоваться сугубо осторожно, помня, что она всецело на службе партийной пропаганды. И последнее — показания тотальной обработки и надзора целого ряда органов партии и советского правительства. Очень часто впечатления иностранца от Советского Союза **делаются** такой обработкой или, во всяком случае, искажаются в выгодном для советской пропаганды смысле. Конечно, бывают случаи, когда последнее не удается, — тогда такого иностранца высылают из СССР, иногда арестовывают или ставят в такие условия, что он практически лишен что-либо увидеть в Советском Союзе.

Иностранные журналисты, которые обязаны все время посылать газетам или журналам, их пославшим, «стори», до-

стать самостоятельно эти «стори» в СССР не могут. Очень часто их делают и подсовывают иностранным журналистам люди из специальных служб того же советского правительства.

Помню поездку в СССР очень осведомленного и неглупого журналиста из «Нью-Йорк Таймс» — Гарри Шварца, специалиста по советской экономике. Вначале ему отказали в визе, но после того, как Г. Шварц написал в газете, что советские власти не пускают в СССР людей, критически относящихся к советскому строю, — из Москвы пришло распоряжение дать Шварцу визу. Уже в СССР ему кто-то по секрету сообщил, что в Тбилиси и в Баку жители, лишенные возможности давать объявления, личного порядка в государственную печать, пишут эти объявления от руки на бумажках и наклеивают их на стене какого-то помещения: об обмене комнат, вещей, мебели, о продаже вещей и пр. Любопытный журналист во время поездки по Кавказу разыскал такую стену объявлений и стал внимательно читать. Одно объявление гласило: «Меняю жену 40 лет на две — по 20 лет». Гарри Шварц, вернувшись в Америку, напечатал об этом статью. Советская печать подхватила, раздула, удачно высмеяла американскую прессу, ибо советские люди знают этот старый, «с бородой» анекдот об обмене жен.

Бывает и так: видный американский журналист Джозеф Олсоп съездил в СССР на три недели, где совершил четырехдневную поездку на речном пароходе. Вернувшись в Америку Олсоп напечатал в крупном журнале с тиражом в несколько миллионов экземпляров — в «Сатердей Ивинг Пост» статью о самодовольстве русских — о том, что все граждане СССР довольны теперешней жизнью, не хотят расставаться с нею, любят свою власть, не желают никаких перемен. Обращаю ваше внимание, что речь идет о серьезном, талантливом журналисте, пользующемся заслуженным успехом у миллионов американских читателей.

Я тогда написал в редакцию журнала большое — в семь страниц — письмо. Я в письме писал о том, что Олсоп не знает русского языка, пробыл в чужой ему стране

три недели, судя по его же статье на пароходе его «опекали» специально приставленные к нему люди. Я сослался на свой опыт и моих советских друзей и близких людей — написал, что советский битый и тертый человек имеет две реакции на вещи, на окружающее (вроде пшизофреника): внешнюю — разрешенную и внутреннюю — запретную. Запретную реакцию свою он загоняет вовнутрь сознания, научился не показывать ее никому, тем более иностранцу. Я писал в письме, что советский человек, как тот актер, который всю жизнь играет одну роль — «строителя коммунизма» — и так выгрался в эту роль, что увидеть, понять его натуру очень трудно, иностранцу же, будь он о семи главах, невозможно.

Через два года в мире появился «Доктор Живаго» Бориса Пастернака и уже все увидели, что внутренний мир человека, живущего в СССР, совсем иной, чем о нем думали (а многие — увы! — и сейчас еще так думают).

Я, например, прожил в Германии шесть лет — вначале в Восточной зоне в качестве советского оккупанта, затем здесь в Западной Германии. Другие эмигранты прожили в Германии десять-двадцать лет. Что, если бы мы стали писать о Германии, о сознании современных немцев? Вряд ли бы немецкая пресса нас печатала бы, вряд ли бы немецкие читатели читали бы наши писания. Или, скажем, я девять лет живу в США, побывал почти во всех штатах, конечно, имею свое представление об американской действительности и об американцах, но как это далеко от глубокого понимания Америки, психологических особенностей американцев! При этом, надо говорить, Западная Германия и США имеют открытое общество, демократические порядки, свободную прессу, а советское общество — закрытое общество с диктаторским режимом, с прессой и статистикой, задача которых не столько информировать население, сколько служить целям партийной диктатуры, что означает часто дезинформацию.

Я остановился на вышеизложенном, чтобы подчеркнуть всю сложность анализа советского общества, изображения настроения людей, живущих там, состояние их умов.

Вы все понимаете, что миру в наше время необходимо

знать, что происходит внутри Советского Союза, о чем думают там люди в действительности, чего они хотят, чего ждут, как и чем живут, на что надеются. Без этого сегодня, а завтра тем более, не может быть правильной ориентировки в политике.

Хрущев и его подручные делают все, чтобы скрывать действительное положение внутри СССР, особенно настроения разных слоев советского общества, советского человека. Надо признать, многое им в этом отношении удастся, что сбивает мир с понтальку. Фотосъемкой территории Советского Союза с самолета или со спутника можно узнать местонахождение и расположение военных объектов, промышленных центров и т. д. Но узнать о том, что происходит внутри людей с помощью техники невозможно.

Я был в Нью-Йорке во время последней Генеральной Ассамблеи ООН. Что позволяло Хрущеву так невероятно себя вести: кричать, стучать кулаками по столу, дойти до того, чтобы снять туфель с ноги и стучать им по столу — и это перед лицом всего мира? (Один африканец, когда я его спросил, что он думает о Хрущеве, сказал: — дикарь). Все потому, что никто из западных дипломатов (а там ведь были самые выдающиеся государственные деятели нашего времени!) не знал того, что нужно было знать для отповеди Хрущеву. Хрущев кричал англичанам: убийцы! Простому советскому человеку не стоило бы труда просто процитировать из речей Хрущева, в которых он призывал к массовым расправам над людьми, из которых кое-кого он сейчас сам же реабилитирует, как невинно убитых, или — из «И с т о р и и У к р а и н ы», где описана хрущевская чистка Украины от «врагов народа».

Я об этом говорю, что пора, наконец, понять: без опыта и знаний советской действительности людей, ушедших из Советского Союза, а ныне живущих на Западе, людей, видевших две стороны планеты, — нельзя без них обойтись в вопросах серьезного познания советской действительности, советского человека, советского общества. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что опыт устаревает, что людям свойствен-

но искажать даже факты в угоду меняющимся взглядам, страстям, положениям. Но я говорю о методологии познания: все, что доходит разными путями из Советского Союза необходимо пропускать и через проверку людей, родившихся, выросших и живших в Советском Союзе, сохраняющих понимание советской реакции на вещи. Это важно не только в мелочах, но и в обобщениях; ... на Западе заведено: советские эмигранты приносят факты их советской жизни, а выводы мы будем сами делать. Я знаю ряд таких выводов и обобщений — волосы дыбом становятся. Достаточно вам сказать, что мне как-то встретила пространная работа одного иностранца обо мне самом, с широкими выводами, построенная на том, о чем я когда-то рассказывал о себе и своей жизни. Там было все что хотите, кроме меня, моей жизни, даже факты были перевернуты.

Я надеюсь, что вы не поймете меня так, что я, мол, цену эмиграции набиваю. Я хочу только сказать, что смысл и значение сознательной эмиграции я вижу в той серьезной помощи, которую она способна и должна оказать в деле познания происходящего в Советском Союзе. И в той помощи, которую эмиграция обязана оказать советскому обществу тем, что будет рассказывать о нем в мире, а советским людям о внешнем мире, при этом в категориях, понятных советскому человеку.

Никогда еще человечеству не был так жизненно необходим, если хотите, духовный обмен между народами, живущими под властью коммунистической диктатуры, и всем другим народам. Не пропагандный, не казенный обмен, а свободный. Смысл эмиграции, смысл деятельности нашей организации, на конференцию которой мы собрались, — это роль добросовестных переводчиков, отлично владеющих языком советских людей и языком демократии. Не переводчиков Интуриста, и не переводчиков, научившихся только говорить по-русски в университетах Европы и Америки, а переводчиков, владеющих внутренним языком людей двух миров. Кстати, это могут быть и не бывшие советские люди, но и, как, скажем, немецкие пленные и другие иностранцы, прожившие многие годы в СССР.

Вот теперь я попытаюсь выступить в роли такого переводчика и кое-что переведу из прочитанного, услышанного за последнее время из того, что относится к современному положению в СССР.

Я вначале сказал, что главный источник, которым я пользовался — это советская литература, потому что люди в Советском Союзе давным-давно научились читать между строк, а советские писатели — писать между строк.

Прежде всего я хочу отметить появление в СССР открытых признаний дифференциального советского общества. Как вам известно, партийная пропаганда продолжает утверждать, что советское общество монолитно, что существует общность интересов всего общества, что оно свободно от внутренних противоречий, что если и встречаются противоречия, то это, мол, «пережитки капитализма» или внесенные извне. Чтобы придать этому мифу видимость чистой монеты, советские идеологи любят ссылаться на Маркса и Энгельса, на их теорию классов. Никакой теории классов Маркс же не оставил: в 3-м томе «Капитала» глава о классах обрывается в самом начале, в русском переводе — это всего 43 строчки. Правда, кое-где Маркс говорил о трех основных классах капиталистического общества: капиталистах, землевладельцах и пролетариях. Нет ни крестьян, ни служащих, ни торговцев, ни слова об инженерах, без которых современное общество немыслимо. Писал еще Маркс о непроеизводительных или непроеизводственных классах, не давая уточнения, но зато Энгельс об одном из этих классов писал в «Антидюринге» весьма определенно. Цитирую:

«Образуется класс освобожденный от прямого производственного труда и ведающий такими общими делами, как управление трудом, государственными делами, правосудия, науки, искусства и так далее».

В современном демократическом обществе, как правило,

нет госуправления науками или искусством: живописью, музыкой, литературой. В Советском Союзе это существует. Энгельс рассматривал бюрократию, как отдельный класс, советская идеология признать этого не хочет — наперекор Энгельсу.

Я упомянул Маркса и Энгельса потому, что ссылаясь на них партийные идеологи защищают свой миф о бесклассовости и монолитности советского общества.

В начале этого года в СССР вышла книга «Вопросы строительства коммунизма в СССР», где дается отчет о заседаниях в Ленинграде специальной сессии отделения общественных наук Академии наук СССР. Есть там и выступление известного советского экономиста доктора экономических наук Кронрода, в котором тот заявил, что советская экономика не свободна от внутренних, присущих ей противоречий. Доктор Кронрод сказал:

«Мне кажется чрезвычайно важным положить конец трактовке экономических противоречий социализма, как чего-то внешнего, извне привносимого, как чего-то субъективного».

Доктор Кронрод имел в виду утверждение советской официальной идеологии, что все проявляющиеся противоречия в так называемой социалистической экономике или «пережитки капиталистических отношений», или «влияния капиталистического мира». Одним из противоречий Кронрод назвал «противоречие между потреблением и накоплением», то есть между интересами потребителя — широких масс населения и интересами тех, кто определяет в стране размеры и направление накоплений.

Далее доктор Кронрод признал — я цитирую: «Серьезные различия в экономических интересах, ибо фактическое положение различных общественных групп и слоев в производстве обуславливает характер их экономических интересов».

Как мы видим, речь идет и о «различных общественных группах и слоях», и о «серьезном различии их интересов», — конечно, не только экономических: сами коммунисты всегда утверждали, что разные экономические интересы по-

рождают и сопровождаются различными политическими и другими интересами. И, действительно, интересы, скажем, колхозного крестьянства не могут совпадать и не совпадают с интересами, скажем, партийно-государственной бюрократии.

Дифференциацию советского общества признало, хотя и косвенно, и хрущевское партруководство. Возьмем последнее постановление ЦК КПСС о пропаганде. Там сказано, что партийная пропаганда должна быть дифференцирована, учитывая профессиональные, образовательные, национальные и другие особенности разных слоев населения. Из постановления видно, что до сих пор партпропаганда этому требованию не удовлетворяла. Почему? Потому, что в основе пропаганды лежала фикция, согласно которой советское общество монолитно, не дифференцировано, став, мол, таким в результате преодоления классовых и групповых различий и противоречий.

Вы знаете, что партийная идеология признает, правда, существование двух классов и одной прослойки (рабочий класс, крестьянство и интеллигенция), но все эти три составные части общества, мол, объединяются в полной гармонии их интересов. Спрашивается: зачем же тогда дифференцировать пропаганду? Достаточно, казалось бы, апеллировать к общим для всех интересам и убеждениям. Но в том-то и дело, что общих интересов и, тем более, убеждений нет и быть не может. Требование дифференциации партпропаганды является доказательством того, что партийной идеологии приходится капитулировать перед жизнью.

Дифференциация общества явление нормальное и здоровое, ибо она создает разнообразие интересов, вызывает различие мнений и их столкновение и борьбу идей, то есть является необходимым условием развития и прогресса. Для этого нужно, чтобы различные эти идеи и мнения не подавлялись, а находили себе свободное выражение. Но это означало бы упразднение однопартийной системы. А так как этого нет, то положительная сторона дифференциации не может проявляться. И в этом — один из основных конфликтов советско-

го общества, все более и более показывающих неестественность, искусственность режима.

Именно эта неестественность стала все чаще и чаще проявляться в советской художественной литературе и даже в печати.

Вот несколько примеров из печати. В журнале ЦК КПСС «П а р т и й н а я ж и з н ь» № 16 этого года активный член партии Мальшева пишет:

«Я много времени уделяла общественной работе, но последнее время выполняю поручения без энтузиазма, так как **убедилась**, что общественная работа проводится как-то формально и пользы от нее получается мало».

Один коммунист из Донбасса пишет (журнал «О к т я б р ь», № 4, 1960):

«Мы мало и очень мало представляем, каким будет человек при коммунизме, как он будет жить? Хотелось бы, чтобы по поводу — о коммунистическом обществе и выступали наши писатели, деятели культуры и науки, партийные руководители».

Как «выступают» партийные руководители видно, хотя бы из «П р а в д ы» 6-го апреля. Цитирую: «Партруководители ограничиваются только общими призывами к установлению связи пропаганды (то есть идеологии) с жизнью, и мало что делают для осуществления этой задачи». Об отношении писателей и деятелей культуры говорится в журнале «М о л о д о й к о м м у н и с т» (№ 3, 1960):

«Героический характер за последнее время потеснился и уступил место новому персонажу — разочаровавшемуся скептику и даже пессимисту... У многих писателей, что ни герой, то непременно или шалопай, подвергнувшийся дурным влияниям, или **гамлетствующая личность**, решающая вопросы с рефлексией, достойной «**лишних людей**» **прошлого столетия**».

Герой повести Кузнецова «П р о д о л ж е н и е л е г е н д ы» (журнал «Ю н о с т ь» № 7, 1960) говорит:

«Нам 10 лет говорили, что перед нами открыты все двери, а оказывается они закрыты».

Студентка Лидия пишет в редакцию журнала:

«Я не знаю, что мне делать, чем заниматься, как рассуждать, чем жить и зачем жить. Меня уже ничто не интересует. Я пробовала себя насилловать, я заставляла себя интересоваться, но из этого ничего не вышло».

Таких примеров множество. При этом учтите, что все они пропущены партийной цензурой — можете себе представить, сколько их в действительности!

Особенно ярок конфликт между человеком и режимом, между жизнью и партидеологией в сельской жизни. Один из партийных сельских руководителей пишет («П а р т и й н а я ж и з н ь» № 15, 1960):

«Плохо в колхозе. Я делал все, что мог, но дальше не могу. Честно заявляю: Ничего не могу сделать. Прошу меня освободить от работы».

Крестьяне в колхозах работать не хотят. И, что особенно характерно, те, которые, кроме колхозной деревни никакой другой не знают. Вот один из примеров. «К а з а х с т а н с к а я п р а в д а» пишет: «В самые напряженные дни уборки колхозники с утра до вечера сидят и пьют чай».

Колхозник в рассказе Воронина «Без земли» (журнал «Н е в а», 1957) говорит:

«Земля! Самое дорогое! Свой кусок. Маленький, но свой, на котором только ты хозяин и никто больше... Он кормил ее, кормил, как живую. Ухаживал, как за девкой. Ночами другой раз не спал, ворочался, все думал о ней».

Другой колхозник в рассказе «Жизнь сызнава» Кружилина (журнал «Н а ш с о в р е м е н н и к») говорит об этом так:

«Что дома — то мое, а что в колхозе — то наше... Вот в чем разница».

И не случайно колхозники собственную землю, собственное хозяйство эротически сравнивают с женой, возлюбленной, с девкой, за которой ухаживают, а колхозную землю, колхозное хозяйство — с обобществленной женой, с публичной женщиной. Партийное руководство ~~ничего~~ с таким отношением крестьян к колхозу сделать не может, ибо оно лежит в плане психологии крестьянина—человека, начисто опровергая утверждение партидеологии, что «бытие опреде-

ляет сознание», что производственные отношения меняют психологию людей. Прав Борис Пастернак, который написал в «Докторе Живаго», что коллективизация — ошибка.

И действительно: возьмите статистику. В СССР 53% (108 миллионов человек) населения живет в сельской местности, более половины населения занято сельским хозяйством, а положение с сельхозпродуктами по-прежнему оставляет желать лучшего (за тридцать лет колхозного права!). В США в сельской местности живет только 12% населения, в сельском хозяйстве занято только 7 миллионов человек (из 150 миллионов), а продуктов в Америке не знают куда девать.

Советских людей это сравнение потрясет, людей, воспитываемых партийной пропагандой, утверждающей, что в истории, в жизни побеждает тот общественный строй, который предлагает лучший, более производительный производственный процесс.

Хрущев, стараясь как-нибудь спасти положение, как-нибудь уменьшить вопиющее несоответствие между идеологией и действительностью, все последнее время то и дело идет напропастную: фактически ему приходится во многом отказываться от идеологии, например, с отменой МТС.

А возьмите авантюру с целинными землями: тысячу лет крестьяне земледельцы, земледельцы не трогали эти земли — Хрущев с его партийной научностью в поисках выхода из сельхозтупика, решил: ерунда! освоим! Агроученые предупреждали, что из освоения ничего хорошего не выйдет. Они говорили: три-четыре года земли дадут урожай, а затем посевы будут гибнуть: суровый климат — с ветрами, морозами, коротким летом и т. д. По сообщениям советских газет видно, что в этом году, как и в прошлом, посевы гибнут.

Здесь мы подходим к другому конфликту партийной идеологии, режима с жизнью — с природой.

В советской печати то и дело стали появляться статьи ученых, писателей, природоведов — о повсеместной гибели природных богатств. Богатейший в мире рыбой водный бассейн — Азовское море стало почти безрыбным («Н о в ы й м и р»), в средней России от вырубки лесов — эрозия почвы, в реках исчезает рыба (К. Паустовский в «И з в е с т и я х»). В Волге

— в матушке-Волге! — рыба стала пахнуть нефтью и вымывает. Каспийское море отходит от берегов. «Комсомольская правда» 27-го апреля писала:

«Рыба в Донце исчезает. В Донбассе можно очутиться посреди безводной, безлистной пустыни».

Председатель Совета по проблемам водного хозяйства Академии наук пишет: «Недостает воды Южному Уралу, Бурятской АССР, Казахской целине и другим районам... Такие реки, как Чусовая, Ока, Кама, Томь и другие превращаются в потоки сточных вод».

43 года партийное руководство утверждает, что его режим и его политика построены на единственно правильной научной основе, а на поверку оказывается, что 43 эти года были годами чудовищного браконьерства, хищнического отношения к природе.

В первую очередь, конечно, к природе человека.

О чем сейчас пишут партийные газеты и журналы? Последние месяцы они проводят очередную кампанию уже не против «вредителей», «кулаков» или «врагов народа», как было до войны, не против «космополитов» и «низкопоклонников перед Западом», как было после войны, не против «гнилых элементов», «нигилистов», как было после смерти Сталина, — сейчас идет поход против так называемых «бездельников», «людей, относящихся безразлично к труду», «изменников рабочей силы», против «иждивенческих настроений», против «текучести кадров». В газетах целые страницы выходят под заголовком: «Кто не работает — тот не ест». Вот один из призывов: «Усилить борьбу с бездельниками, тунеядцами, паразитирующими элементами, которые сознательно избегают трудовой деятельности». «Правда» 24-го августа писала:

«Есть люди, которые не хотят работать или работают плохо». «Партийная жизнь» № 16 утверждает: «Появились требования особых лучших условий работы... Люди замкнулись в собственную скорлупу и знать больше ничего не хотят. При этом они всем на свете недовольны».

Из тех же газет нетрудно понять, что те же люди, которые

не хотят работать или работают плохо на производстве, от-
лично и старательно работают дома или «на стороне».

Вспомним, что индустриализация страны началась под лозунгом «Техника решает все!», продолжалась она под лозунгом: «Кадры решают все!» Ценой страшных бедствий, жертв, миллионов человеческих жертв техника — заводы и фабрики — были построены; были созданы и неплохие кадры.

Но это вчерашний день современного производства. Ныне на опыте передовых промышленных стран видно, что решает все отношение кадров к труду — от этого сейчас зависит и рост производительности труда, и качество продукции. И вот тут-то и выясняется причина неблагополучий в советском производстве — кадры к труду относятся из рук вон плохо. Рост производства, несмотря на все мобилизации — капиталовложений, рабсилы, государственного и партийного аппарата и т. д. — замедляется, качество продукции низкое, производительность труда ниже, чем в демократических странах. Советский рабочий явно не заинтересован в своей работе.

Партийное же руководство ничего другого не может придумать, как по-старинке кричать о технике, техническом прогрессе, о новых машинах, изобретателях, об улучшении производственных процессов, о повышении квалификации кадров, то есть о той же технике и тех же кадрах! А кадры требуют лучших условий жизни и труда.

К чему же это приводит?

«П р а в д а» 29 марта писала:

«Председатель совнархоза на пленуме Сталинского обкома партии сообщил, что на шахтах Донбасса в настоящее время на добыче каждой тысячи тонн угля занято рабочих больше, чем в предвоенные годы. А ведь всем известно, что в последние годы угольная промышленность непрерывно оснащается новой техникой. Выходит, что все годы техническое вооружение шахт росло, а число рабочих не уменьшалось, а увеличивалось. Почему это происходит? Над этим стоит призадуматься».

Действительно, призадуматься стоит, но для этого нужно

иметь свободную от устаревших понятий несостоятельной идеологии голову.

Вот, как отвечает на вопрос «Правды» тридцатилетний горняк в повести Гладилина «Песнь золотого прииска» (1960 г.):

«Я столько пережил, что тебе, братишка, и не приснится. У меня дубленая кожа. Меня ничем не проймешь. Ты пойми, братишка, что где-то под Курском, в домике с полуразвалившимся крыльцом и подгнившими наличниками, меня ждет старуха-мать... А ведь я у нее один. И, может, когда я вернусь, я увижу доски на окнах и траву на ее могиле. А вернусь я еще не скоро и, как знать, дойду ли до дому. И вообще об этом лучше не говорить, и я не хочу говорить, и я не хочу ничего вспоминать. Ты думаешь, братишка, я не знаю, что мне тридцать лет и нет у меня ни кола, ни двора, и только нижняя койка в будке, часы и пара костюмов в чемодане!»

За двенадцать лет работы герой повести «убедился, что человек не может привыкнуть к тяжелому физическому труду».

Рабочие на собрании спрашивают начальство:

«Почему очереди в столовых? Почему горят моторы? Когда будут построены нормальные общежития? Почему в магазинах нет маек, трусиков и простых рубашек? Почему письма идут месяц? Почему опять задержали зарплату?»

Вот, что на эти вопросы отвечает партийный начальник — он, собственно, повторяет слова партийной пропаганды:

«Среди вас много комсомольцев! Вы же патриоты! Где ваш боевой дух? Когда страна напрягает все силы, чтобы досрочно выполнить семилетку и делает еще шаг к коммунизму, комсомольцы рассуждают о майках и трусах».

Партийному начальнику отвечает герой повести:

«Приборы смонтированы на живую нитку. Поломки, простои. Из-за рабочих? Нет. Строительство идет такими темпами, что общежитий так и не будет. Это не особенно волнует начальство. Главное — выполнить план. А рабочие — они комсомольцы, они патриоты, перетерпят. Я знаю, — мне еще припомнят это выступление, но скажу: мы свое дело де-

лаем, но когда нет чистого белья (мол, ерунда, и так сойдет!), когда не строят дома, когда в столовой очереди, когда простаиваем и сидим без зарплаты, а нам говорят: терпите, вы комсомольцы, вы патриоты — тогда мы отвечаем: идите вы к чертовой матери!»

«Идите вы к чертовой матери» — вот ответ современного тридцатилетнего, послевоенной формации рабочего партийному режиму, партийной пропаганде, партийной идеологии. И это написал молодой советский писатель.

Недавнее восстание рабочих на строительстве металлургического комбината в Казахстане прямой результат того, о чем и как говорит герой повести Гладылина.

Будь в СССР свобода печати, советские производственники, писатели, экономисты могли бы многое прибавить к тому, что сказал молодой рабочий. Хотя бы о том, как сказывается неестественность партийного метода производства в чудовищных накладных расходах на рабочую силу, идущих на непроизводительные расходы, главным образом на оплату огромных штатов административно-технического персонала, партийного, профсоюзного и прочего. Возьмем для примера строительные работы. Здесь, в Западной Германии, накладной расход на работу в строительстве — около 35%, в США — 25%, а в Советском Союзе — от 150 до 250% (на монтажных работах). Это значит, что на одного советского строительного рабочего приходится полтора-два непроизводительных «придурка». Знает об этом партийное руководство? Знает (именно об этом мне рассказывал ведущий советский инженер на Брюссельской выставке). Пытается кое-кто сократить — децентрализацией управления промышленностью, пресловутой борьбой с бюрократизмом и прочим, но ничего из этого не получается, так как чудовищная бюрократизация производства — прямое следствие системы.

Вот передо мной запись моей беседы с 19-летним рабочим, комсомольцем, только что приехавшим из СССР в США. Вот его доподлинные слова о его жизни в Иванове — одном из крупных промышленных центров (куда, кстати, иностранцы не допускаются).

«Я работал слесарем по 4-му разряду, получал около 700

рублей в месяц — на руки чистыми приходилось 600-650 рублей. Жил я с двумя моими товарищами, с которыми кончил ремесленное училище, на частной квартире местного рабочего тоже — в комнате из 6 кв. метров, за которую платили 225 рублей (каждый из нас платил 50 рублей, а 75 доплачивал завод, который должен был обеспечить нас жилплощадью).

Дверей в комнатке не было — во второй комнате жил хозяин с женой и тремя маленькими детьми. С ними в комнате находились и куры, и кролики. Спали мы на соломенных матрацах, лежащих на досках. Квартира была полна клопов. Ходить было негде, так что мы все время валялись на кроватях.

Питался я фактически два раза в день: утром редко ел сухой хлеб с маслом (даже чая негде было вскипятить), в обеденный перерыв в заводской столовой покупал суп или щи, котлетку с макаронами или картошкой (или рыбу) и чай — стоило это 5-6 рублей; вечером в городской столовке — та же еда, как и на заводе — и стоила столько же. Все питание в месяц обходилось около 400 рублей. От получки оставалось 150-200 рублей, которые уходили на автобус (один конец от дому до завода стоил 45 копеек), на баню (мылся раз в неделю — 1,50 руб.), на кино (ходил раз-два в неделю — билет стоил от 3-х до 5-ти рублей), на стирку (около 20 рублей в месяц). Одежду покупал редко — иногда носки (пара от 4-х до 10 рублей), рубашку (40 рублей), трусы (15-17 руб.), майку (10-17 руб.). Курить — я не курил.

Денег обычно не хватало, так что перед получкой часто приходилось ходить на завод пешком (30-40 минут от дома до завода), стирать приходилось самому в холодной воде, так как горячей у нас дома не было где согреть».

Я уверен, что это условия жизни большинства советских рабочих.

Но вернемся к литературе и печати. Что в них нового?

Проблема растущей преступности, особенно среди молодежи. Советская статистика всячески старается путем передержек в цифрах доказать, что общее число преступлений в стране падает. Делается это весьма просто: приводятся общие цифры судебных дел за 30-е, и 40-е, и 50-е годы — число па-

дает. Но дело все в том, что в дела 30-х и 40-х годов входят миллионы преступлений, ничего общего с преступностью не имеющих: дела в связи с насильственной коллективизацией, дела страшной ежовщины, т. н. контрреволюционные, дела за опоздания на работу, за прогулы, или по пресловутому «Закону от 7 августа об охране социалистической собственности» и т. д. и т. п.

Если бы все это выделить в сравнительной статистике, то мы имели бы резкое повышение числа криминальных преступлений, хулиганства, убийств.

Если бы это было не так, то зачем в последнее время мобилизовано около 3-х миллионов (по официальным данным) дружинников (в действительности их, видимо, больше), зачем свирепствуют вновь организованные «товарищеские суды», зачем мобилизованы для борьбы с преступностью печать, литература? Тех, кто интересуется этой проблемой подробнее, я отсылаю к своей статье «Острая тема» в нашем альманахе «Мосты» № 4. Сейчас скажу только, что партийные идеологи стараются объяснить рост преступлений в так называемом социалистическом обществе «пережитками капитализма в сознании людей», «проклятым наследием капитализма» и неблагополучием в некоторых семьях.

Это верно, что режим многое сделал, чтобы разрушить семью, достаточно подумать, что не только главе семьи приходится тяжело работать, но и жене — матери детей. А сколько миллионов семей разорено террором, войной, вечными мобилизациями.

В советской литературе появилось и иное объяснение. Я имею в виду повесть Медынского «Честь» (журнал «Москва», 1959 г.). Там судят молодых преступников в Москве. Прокурор говорит о «пережитках капитализма», а в публике слышится: какие же пережитки, когда даже родители их не видели капитализма и выросли уже при советском режиме!

Мать одного правонарушителя говорит, что он — комсомолец, отличник, хорошо учился... Почему же родители, выросшие в голодные годы первой мировой войны, в нужде, бедности, не стали ворами?

Другая мать-учительница объясняет: значит что-то в

современном человеке подорвано, что-то в нем сломалось, какие-то устои, иммунитет добра.

В этом-то и дело. 43 года партийного режима, при котором человеческой личностью власть распоряжается, как вещью, годы беззакония над людьми, убийства безвинных, разрушения нравственных устоев, общечеловеческой морали, религии, жизни под знаком ненависти — классовой и прочей — все это и подорвало во многих душах духовный иммунитет добра.

Интересно, что советские органы насилия — суды, милиция — жалуются в печати на то, что население не только не участвует в борьбе с ворами, хулиганами, преступлениями, а, наоборот, заступает за них, защищает их от дружинников и милиционеров.

В «Известиях» 16 августа начальник московского МВО жаловался:

«Люди безответственно относятся к поручительству. Берут на поруки злостных преступников. . . Двадцатилетний Виктор Паль три раза воровал и каждый раз его брали на поруки. Ершов избил человека, избил соседа, общее собрание треста, где работал Ершов, взяло его на поруки. Через неделю Ершов напился и пьяный ударил человека по лицу. И снова общее собрание возбудило ходатайство».

Жалко, что начальник московского МВД не написал, кого и за что бил Ершов.

Газета «Советская Молдавия» писала, что при задержании воров, хулиганов, прохожие, окружающие люди кричат милиционерам: «Не трогайте человека! Отпустите его! Чего вы к нему привязались! Ищите воров в другом месте!»

Вот как понимают проблему растущей преступности широкие слои населения: «Ищите воров в другом месте!», то есть среди тех, кто вот уже 43 года ломает человеческую душу и жизнь в угоду своей придуманной неестественной идеологии, кто «обезродил» жизнь, обворовывает людей, делает из них воров.

В Москве этим летом был объявлен конкурс на книгу «Основы коммунистической нравственности» — конкурс от имени Института философии Академии наук,

Академии общественных наук при ЦК КПСС и Госиздата. Премии установлены: 50 000, 35 000, 25 000 и две по 10 000 рублей. Плюс гонорар. Премии огромные, но немудрено — тема труднейшая. 40 лет в СССР пишется и говорится на тему коммунистической морали, о так называемом «новом человеке». Еще в 1922 году Бухарин говорил о воспитании молодежи:

«Я намечаю три сферы работы в этой области: 1) Общественно-моральное воспитание, 2) Коммунистическо-марксистское образование и 3) Область чувств».

А где теперь сам Бухарин?

В 23-м году в университете имени Свердлова Троцкий говорил о коммунистическом воспитании: «Задачей коммунистического воспитания является воспитание нового человека». А где сейчас сам Троцкий?

В 38-м году в Москве вышла серия книг: Сталин — «О молодежи», Ворошилов — «О молодежи», Киров — «О молодежи», Куйбышев — «О молодежи», только Андреев назвал свою книгу «О коммунистическом воспитании молодежи». В книгах этих говорилось то же самое, что говорили «враги» Бухарин и Троцкий.

А что стало с Кировым — по приказу Сталина Киров был застрелен. А с Орджоникидзе? Сам застрелился. Как умер Сталин — до сих пор покрыто мраком неизвестности. Старика Ворошилова воспитанный на коммунистических рецептах Хрущев просто отбросил в сторону, как и своих друзей-сратников Маленкова, Булганина, маршала Жукова, даже учителя и благодетеля Кагановича, который вывел Хрущева «из грязи в князи».

Как же широкие слои населения, как сама молодежь относятся к коммунистическому воспитанию?

Известный партийный идеолог Федор Константинов писал недавно в «Правде» о том, что он увидел на 3-м курсе Московского университета на лекции об основах марксизма-ленинизма:

«Большинство студентов не слушают лектора — лектор сам по себе, а аудитория сама по себе. Одни студенты читают

беллетристику, другие просматривают тетради с формулами, очевидно записи лекций по физике».

После такого признания видного партийного идеолога, странно читать другого видного партпропагандиста Ильичева:

«Только буржуазным идеологам и ревизионистам могла прийти в голову бредовая мысль о безразличии советских людей к коммунистической идеологии».

В этом плане нужно отметить другую проблему — растущие среди населения СССР, несмотря на травлю и преследования, религиозные чувства. Последнее время печать, а также суды стараются изобразить всех церковных служителей и активных верующих людей стяжателями, ворами, обманщиками. Верующие же люди на это отвечают, что истинно верующий человек не может быть вором и обманщиком, если и случается грех, то с недостойными.

«П р а в д а» вынуждена признать, что тактика шельмования не помогает. Партийная пропаганда выпускает миллионными тиражами антирелигиозную литературу. Верующие борются и с этим. Газета «Т р у д» сообщает, что верующие скупают эту литературу и уничтожают. Журнал «Ю н о с т ь» № 2 (1960) признает о существовании среди молодежи тяги к духовному образованию.

Журнал «К о м м у н и с т» (№ 5, 1960), например, сообщает о молодом человеке, окончившем медицинский институт:

«Вдруг выяснилось, что он все годы состоял в баптистской секте, был одним из активных ее членов».

Научный сотрудник ленинградского исследовательского института, специалист по высшей нервной системе, член КПСС, член партбюро института Федоров-Березовский отказался читать антирелигиозные лекции, заявив на партбюро: «Я человек верующий». «К о м с о м о л ь с к а я п р а в д а» писала о случаях отказа от военной службы по религиозным соображениям, о майоре Советской армии, переодевавшемся по вечерам в гражданское платье и ходившем на религиозные собрания.

В романе Вирты «К р у т ы е г о р ы» первый секретарь обкома партии Токарев уговаривает колхозного мальчика

отказаться от веры в Бога, обещает тому прислать книжки с научным объяснением мироздания:

«— А в них не лжа? — спрашивает мальчик.

— Зачем же мне ложь тебе внушать, подумай?

— Это верно. Говорят, ты самый главный. А самому-то главному, поди, ложь вовсе не подобает. Я слышал, папая говорил, тля ест траву, ржа — железо, а лжа — душу.

Токарев нахмурился.»

И совсем уничтожающей для партийной пропаганды и идеологии случай под Смоленском: техник, партийный пропагандист Семкин оказалось по воскресеньям проводил среди населения религиозные беседы!

Я должен оговориться для ясности: религиозные настроения среди советского населения — это не церковность, они часто граничат с суеверием. Многое в них от страха войны — предчувствие «конца мира». Одно несомненно ясно — это духовная реакция на «мертвое слово» партийной идеологии, духовные метания и поиски «живого слова», тоска человека по тому иммунитету добра, по разрушенным нравственным устоям, о которых говорит мать-учительница в повести Мединского «Ч е с т ь».

Реакция на диктатуру «мертвого слова» сильнее всего скаывается — в разных формах — среди людей, получивших или получающих образование.

Молодой врач Василий Аксенов напечатал повесть «К о л л е г и» («Ю н о с т ь», 1960 г.), герои повести тоже молодые врачи. Один из них говорит о необходимости жертвенности. Другой ему отвечает:

«— Жертвенность? Вздор! Дикое слово! Что мы, язычники?

— Ну, не жертвенность, так долг.

— Обязанность?

— Нет, именно долг, наш гражданский долг.

— Ух, как мне это надоело! Вся эта трепология, все эти высокие словеса. Их произносит великое множество прекрасных идеалистов, вроде тебя, но и тысячи мерзавцев. Наверное, и Берия пользовался ими. . . Давай обойдемся без трепотни. . . Я в ответе только перед своей совестью, а не перед

какими-то словесными фетишами. Они только мешают видеть реальную жизнь.

— Ты не прав, Алешка! Мы в ответе не только перед своей совестью, но и перед всеми людьми, перед теми с Сенатской площади и перед теми с Марсова поля, и перед современниками, и перед будущими в особенности.

— А я понял, что все блеф. Сколько вокруг жуликов и пролаз. Мое кредо — быть честным, но и не давать себя облапошивать, не попадаться на удочку идеализма.

— А о других ты не думаешь?

— Опять ты о предках и потомках?

— Да, продолжать дело предков во имя потомков.

— А самому сейчас не жить? . . Если бы декабристы не захотели погибать на Сенатской площади, свободолюбивые идеи медленнее распространялись бы в России и революция, может быть, задержалась бы на несколько десятков лет. Черт знает что, жить для потомков ради предков?»

«— У меня нет пятилетних планов, я человек, а не государство, а человек должен жить. Для чего люди работают? Работа ради работы? Ерунда! . . Мы поколение людей, идущих с открытыми глазами. Мы смотрим вперед и назад, и себе под ноги».

О советской жизни, которая, будто бы, бьет ключом, как выражается партийная пропаганда, в повести говорится: «Бьет ключом, и все по голове».

Молодежь моего поколения жила под лозунгом «выжить» — выжить во что бы то ни стало: среди насильственной коллективизации, голода, арестов, в лагерях, тюрьмах и т. д. Нынешняя молодежь говорит: «жить!» — не «выжить», а «жить»!

Вот почему «Комсомольская правда» (28 апреля 1960) жалуется:

«Уход в собственный мирок личных дел и переживаний, боязнь, как бы тебя не «заарканили» — вот, что представляют из себя многие».

В декабре прошлого года и в апреле этого года «Комсомольская правда» сообщала о деле студента Тульского педагогического института комсомольца Воеводина. За

«нездоровые настроения» и «гнилые взгляды» его исключили из института и комсомола. Оказывается, студент этот сам изучал математику, психологию, руководил научным обществом студентов, интересовался современной живописью, а главное — независимо себя держал. Одни студенты говорили ему: «Смело защищай свои взгляды», другие: «Знай, кому что говорить!», третьи, самые осторожные: «Если в чем сомневаешься — молчи. А то еще попадет!» Но когда Воеводина исключили, все выступили в его защиту. То, что большинство смело защищали свои взгляды, видно из того, что 36 студентов института исключено, а 27 получили выговоры.

Именно об этом пишет молодая поэтесса Юнна Мориц:

Все это плохо кончится, —
Пророчат мне друзья,
Но очень, Оля, хочется
Того, чего нельзя.

«Известия» пишут: «Ее стихи не исключение среди молодых».

Журнал «Коммунист» (№ 11, 1960) сообщает о молодом лаборанте, который «после окончания школы прислушивался к враждебным радиостанциям из-за рубежа, искал встреч с иностранцами, клеветал на нашу страну и восхвалял строй США». А также о молодом рабочем одного уральского завода, который «распространял клеветнические антисоветские измышления».

Студенты открыто делают такие заявления: «Математика — это не политика» или «Музыка с давних времен не вмешивается в политику».

В повести Забелина «Под северным солнцем» («Москва», 1960) старый коммунист просит спеть «Варшавянку» — о «святом и правом бое за рабочее дело», а молодой рабочий говорит: «— Вранье все!

— Что вранье?

— Все! — и уходит».

Подобное состояние умов среди молодежи весьма беспокоит партийное руководство. Для борьбы с ними власть ищет новых методов борьбы. Например, такие: журнал «Мо-ло-

дой коммунист» организовал клуб «Отвечаем на вопросы молодежи». С ответами выступают министры, писатели. Но в клубе этом вопросы задает не молодежь, а — за молодежь — комсомольские комитеты Москвы.

А молодой поэт Евтушенко пишет:

Я знал, что мне дадут ответы дружно
На все и «как?», и «что?», и «почему?»,
Но получилось вдруг, что стало нужно
Давать ответы эти самому.

В повести Нины Инвантер «Снова август» («Новый мир», 1959) выпускник Борис Башкиров говорит о советской жизни, созданной отцами: «А ведь правда, казарма... казарма и казарма. И что они только думали в 30-е годы!» Друг отца Бориса возвращается после двенадцатилетнего заключения из лагерей. Бывший заключенный и юноша слушают романс на слова Пушкина:

В день уныния смирись,
День веселья, верь, настанет.

Бывший заключенный замечает, что, может быть, Пушкину из 19-го столетия виднее, а Борис говорит:

«— Что значит — смирись? Выходит так — тебя обманывают, а ты молчи? ... По-моему, главное — это уважать личность! Сделать так, чтобы в твоей жизни никогда ничего не перевертывалось, чтобы «все всегда шло туда, куда хочешь ты».

Юноша отдает себе отчет, что перемена произойдет не скоро:

«— Все эти сволочи еще не скоро переведутся, десять лет для них не срок... Но тот, кто мирится с подлостью, тот сам такой же подлец. Если не хуже».

Это резкое определение юноши относится и к его собственному отцу, который побоялся защитить своего друга, когда того арестовали. Напрасно вернувшийся из лагеря друг говорит юноше о его отце:

«— Он не сказал обо мне ни одного дурного слова.

— А хорошего — тоже не сказал?

— Никакие, даже самые хорошие слова мне не помогли бы.

— Ну, и пусть!

— Значит, ты предпочел бы, чтобы пострадала вся ваша семья, но чтобы он произнес эти слова?

— Да, да, да! — со страстью, с болью, с отчаянием сказал Борис, — Да!»

Борис идет к отцу и говорит тому:

«...Нет человека, который имел бы право обвинять тебя.

— Есть, — сказал отец. — Есть такой человек. Я сам».

Отец — представитель интеллигенции и, конечно, автор повести, — думает о сыне-юноше: «Он будет лучше, тверже, смелее».

Прошу вас обратить внимание на эту веру советских людей, советской интеллигенции — веру в новое, выросшее после Сталина поколение.

В своей книге «Просветы» я писал, что в советской литературе 56-го года появилась тема рассвета, тема конца долгой ночи. «Л и т е р а т у р н а я г а з е т а» назвала мою книгу фальсификацией истории и культуры СССР, а журнал «З н а м я» теорию «рассвета» — вредной.

В 56-ом году поэт старшего поколения Кирсанов писал:

И в такой-то муторной
Хмури на рассвете
Захотелось утренней
Новизны на свете.
Захотелось дерзости,
Мысли, звука, цвета, и т. д.

Теперь эту тему — желание и ожидание рассвета, весны, новизны, свежести продолжают молодые поэты. Евтушенко в декабре прошлого года напечатал в «Юности» стихотворение:

Свежести! Свежести!
Хочется свежести,
Свадебной снежности
И незаслеженности,
Свежести мускулов,

мозга, мазка,
свежести музыки
и языка.
Чтоб не держалось,
а провалилось
все, что слежалось
и пропылилось,
чтоб с неизбежностью
просто и быстро
свержено свежестью
все это было.
Много ли проку
в том, как возятся
те, кто против
свежего воздуха?!
Кем это держится?!
Это не сдержится!
Свежести! Свежести!
Хочется свежести!

Молодая поэтесса Юнна Мориц пишет:

В стране завьюженной стоим,
Надежду на весну таим.

На кого же надежда этой советской молодежи? Конечно, не на состарившееся духовно, хотя и всеильное партруководство, о котором пишет тот же Евтушенко:

Страшно ничему не научиться,
всегда на роли судей притязать
и юности мятущейся, но чистой,
нечистые стремленья приписать.
Усердье в подозрениях — не заслуга,
Слепой судья — народу не слуга.

Надежды советской молодежи обращены к крепнущей интеллигенции.

Не случайно на похоронах Бориса Пастернака было так много молодежи, студентов, — некоторые приехали из Ленинграда, Киева.

«Спасибо Пастернаку от имени рабочих», — сказал, прощаясь с прахом поэта, молодой рабочий.

«Спасибо и от имени студентов. Он написал хорошую книгу, но кто-то не позволил ей появиться», — сказал молодой студент.

Кстати, в Москве молодежь, студенты собираются вскладчину и покупают «Доктора Живаго», отпечатанного на машинке, по 800 рублей за копию.

Всем известно, как быстро растет в СССР число людей, получивших и получающих высшее образование. Их принято называть советской интеллигенцией.

И это неверно. Прав Артур Кестлер, переживший увлечение марксизмом с его теорией базы и надстройки, прав в своей книге «И о г и к о м и с с а р», где пишет, что интеллигенция не есть детище какого-нибудь класса, не есть инструмент того, или иного класса, или партии, то есть, что нет «партийной интеллигенции», «советской интеллигенции» в понятии партийной идеологии и пропаганды. Интеллигенция — это совесть общества, необычайно чуткий орган самосознания общества.

В Оксфордском словаре говорится:

«Интеллигенция — часть народа (особенно в России), стремящаяся к независимому мышлению».

И, действительно, история показала, что стремление к независимому мышлению — единственный устойчивый признак интеллигенции.

Именно поэтому многомиллионная армия образованных советских людей не дала еще оформившейся массовой интеллигенции. Эти образованные люди не стали еще совестью общества. Но дело явно и быстро движется в этом направлении. Приведенные мною примеры и многое другое говорит нам, что мы стоим перед образованием в СССР новой интеллигенции.

Недавно я просмотрел почти все журналы, выходящие сейчас в СССР: «Атомная энергия», «Вестник Московского университета», «Вестник Ленинградского университета» и десятки других научных и образовательных журналов, — какая это сила! И сила,

все больше освобождающаяся от «мертвых слов» партийной идеологии, устремленная к независимому мышлению. И ничто не сможет удержать этого естественного хода развития.

О писателях я уже говорил. Не случайно «Л и т е р а т у р н а я г а з е т а' (20 августа 1960) жалуется. Цитирую:

«Читая рассказ, или роман, вы улавливаете чужую интонацию».

Под «**чужой интонацией**» подразумевается независимая мысль, независимая от казенной идеологии.

Вы посмотрите какие чудесные книги появились в СССР в последнее время, — по истории искусства, истории иконы, театра, литературы, книги воспоминаний, исследования!

И в большинстве — красной нитью — человечность, общечеловеческие ценности, просвещение, а не классовая ненависть, не очередная партийная линия.

Как ни старается партийная пропаганда зачислить все это в актив партийного руководства, — **это есть труд, помогающий созданию новой интеллигенции, помогающий появлению независимого мышления.**

И «Л и т е р а т у р н а я г а з е т а» бьет тревогу: «Слишком усердная учеба у больших мастеров бывает даже опасна».

Почему? Да потому, что большие мастера — это, прежде всего, **независимо думающие люди**. В этом году исполнилось 50 лет со дня смерти Льва Толстого. Что только ни делает партийное руководство, чтобы представить великого бунтаря духа, великого писателя своим предтечей — «зеркалом революции»!

Напрасные усилия, — все книги Толстого, все торжества по поводу годовщины его смерти, служат и послужат **укреплению человечности** в людях, росту живого, **независимого сознания**.

Делу роста независимого, самостоятельного мышления, несомненно, помогают и **увеличивающиеся контакты советских людей с внешним миром**, прежде всего, с демократическим Западом. Очередная организованная шпиономания в СССР направлена не против шпионов, а **против советских людей**, прежде всего, **против интеллигенции и молодежи**, чтобы

страхом удержать их вдали от новых идей, новых мыслей, сравнений, помогающих освободиться от гнета казенной пропаганды, помогающих шире думать, искать ответы на вопросы жизни, на которые «мертвое слово» казенной идеологии ответа дать не может.

А что такое **ревизионизм** и ожесточенная борьба с ним Хрущева и компании? Это борьба против тех членов партии, которые начали самостоятельно думать, то есть **превращаться в интеллигенцию**, — не в партийную, а в часть новой интеллигенции.

В упомянутой уже мною книге «Прозреты» я писал о том, что в современной советской литературе появился тип «**кающегося коммуниста**». Этот новый тип советской литературы — отзвук процесса превращения некоторых членов партии, даже партработников, в интеллигентов. «Я столько лет ненавидел, не пора ли начать любить», — говорит герой «Сонета Петрарки» (Погодин), крупный коммунист-строитель. Это о них писал поэт Ваншенкин:

Ходит, сам с собой споря,
в тишине ночной...
Человеческое горе
Рядом за стеной.

Есть еще один, я бы сказал, **главный психологический конфликт** между жизнью и партийным режимом. Это — **женщина**. Женщина — жена, мать, бабушка — говорит: муж — мой, дом мой, сын, дочь — мои, внуки — мои, а власть все время претендует и говорит — мое!

Великий инстинкт материнства все эти сорок три года говорит режиму — нет! И этот конфликт между материнством и партией, может быть, больше, чем что бы то ни было, говорит нам о **неестественности** режима, о его обреченности.

Последнее время партийная пропаганда пытается привлечь на свою сторону женщину страхом войны, против угрозы которой, мол, и борется партруководство.

Надо сказать, что страх войны среди советского населения **необычайно возрос**.

Но свалить с больной головы на здоровую Хрущеву не

удается — советская женщина, советские люди знают, чья кошка мясо съела.

Интересный случай произошел в мае этого года в Канаде. Там гастролировала группа советских танцоров. В день, когда пришло известие о срыве Хрущевым парижской конференции и его неслыханной пресс-конференции в Париже, советских танцоров охватила паника. «Неужели война?» — спрашивали они с ужасом. «Какая война? Что вы, право!» — успокаивали их мы. «О, вы ничего не знаете! Неужели война?!» Одна танцовщица расплакалась: она бросилась за разъяснениями в посольство, но там ничего для них успокоительного сказать не могли, — там вообще им ничего не говорили. Посол, запершись, посылал шифрованные запросы. Мы успокаивали танцоров, но это не помогало. Один из них сказал: «**Вы их не знаете!** Если бы знали, то поняли бы нас!» Только через два дня посол СССР кое-как успокоил их.

Как же ведет себя в СССР партруководство? Оно, конечно, принимает свои меры: снова начался **террор**, но не сталинский, а **хрущевский** — террор ведется не КГБ, не МВД, а **от имени общественности**: «товарищеские суды», миллионы дружинников, исполняющие волю партруководства, находятся всецело в партийных руках. Недавно были объявлены указы о награждении большого числа председателей «товарищеских судов», начальников штабов дружин, дружинников, — как когда-то объявляли о награждениях чекистов. Если у Сталина чекисты были его опричниками, то Хрущев завел себе своих дружинников. Ясно, что без насилия и беззакония диктатура существовать не может. Более мягкие формы хрущевского террора объясняются тем, что времена изменились и сталинские формы могут вызвать развал среди партийно-советской бюрократии. Она поверила на двадцатом съезде Хрущеву, что не будет чисток сталинского типа. Именно поэтому бюрократия и поддерживала Хрущева в дни, когда заодно с ним в президиуме были только Микоян, Суслов и Кириченко, а против него — Молотов, Маленков, Каганович, Булганин, Ворошилов, Сабуров и Первухин.

Хрущев знает, что сталинский террор теперь только уско-

рит процессы, в результате которых партийная диктатура исчезнет.

Остается последний вопрос: а что же нам делать? Что делать Западу, что делать эмиграции?

Прежде всего, **внимательно проследить и осознать происходящее внутри СССР, осознать качественные изменения советского общества, помочь этому процессу, особенно помочь процессу образования новой интеллигенции** — в этом, может быть, главная задача эмиграции.

В эти дни исполнилось четыре года **венгерской революции 56-го года**, движущей силой которой была **именно интеллигенция**, включая членов компартии, и **молодежь**.

В этом большое сходство с тем, что происходит в СССР. Но есть и большая разница. Французский левый писатель Веркор после подавления венгерской революции был в Москве. Он разговорился по-душам с одним из видных советских писателей, который ему образно сказал, что он думает о венгерских событиях:

В одном закрытом учебном заведении с невыносимым режимом ученики старших классов в течение долгого времени готовили выступление против своих надсмотрщиков, воспитателей и сторожей, с тем, чтобы изменить режим жизни в школе.

И вдруг новички — ученики младшего класса, только что попавшие в училище — взяли да и подняли волнения, с которыми начальство, конечно, легко справилось.

После этого начальство стало осторожнее, приняло меры бдительности, — и выступление старшекласников пришлось отложить.

Так и живут сейчас:

В стране завьюженной стоим,
Надежду на весну таим.

Ю. ПИСЬМЕННЫЙ

Лицом к лицу

(Встречи с «той стороной»)

Каждого из нас время от времени охватывает неудержимое желание посетить покинутые места.

Мы испытываем потребность попить тротуар родного города, идти и идти, все вперед и вперед, пересекая площади и всматриваясь в физиономии новых домов.

Нам хочется забрести в старый, осенний сад, пройти по истоптанной дорожке, шурша каштановыми листьями, и посмотреть, стоит ли еще выпцветшая скамейка под мясокрасным вязом.

Мы хотим заглянуть в знакомые, усталые, и незнакомые, молодые лица и угадать, что они чувствуют сейчас, **сию минуту**, чем живут и на что надеются.

А они надеются, потому что живут. Без минимальной дозы оптимизма человек умирает, так же, как без минимума витаминов.

Если в пище витаминов недостаточно, человек производит их химическим путем.

И если окружающее не дает достаточных оснований для оптимизма, человек вырабатывает его искусственно, в засекреченной мозговой лаборатории, запрятанной где-то глубоко в извилинах подсознательного.

Эта общеизвестная истина припала здесь просто к слову, и это хорошо. Она объясняет многое в высказываниях даже близких нам по духу собеседников «оттуда».

Прогулку по знакомым местам приходится отложить до лучших времен.

Но мне кажется, — и здесь я выдвину, вероятно, довольно спорную мысль, — что само наше упорное желание **как бы собственными глазами** увидеть происходящее на родине может сослужить нам хорошую службу.

При известных условиях оно может оказаться нашим специфическим оружием, нашим орудием познания.

Да, визит нашим соотечественникам по ту сторону железного занавеса покамест мы могли бы нанести только под покровом какой-нибудь «радарной» шапки-невидимки.

Но с некоторых пор наши соотечественники стали наносить частые визиты Западу.

Шлюзы на советских границах приподнялись, и оттуда хлынул живой поток. Это были уже не мертвые документы и не случайные единицы, перешедшие на Запад, а целые толпы живых людей, с которыми можно было знакомиться, разговаривать и спорить.

Мы встретились с «той стороной» лицом к лицу.

Мне не хотелось бы сразу же разочаровывать присутствующих, но и этот, самый волнующий и живой источник нашей информации, требует некоторых оговорок.

Да, вместо единиц мы имеем дело теперь с десятками и сотнями. Но и этих чисел, разумеется, недостаточно для выведения каких-либо «морально-политических» средних по законам вариационной статистики.

Методы Gallup'a, или EMNID, или иных институтов, исследующих общественное мнение, также неприложимы в данном случае. Неприложимы хотя бы потому, что из советских граждан, попадающих за границу, никак нельзя составить того, что по-немецки называется „Der repräsentative Querschnitt“. По понятным причинам они не представляют населения СССР в целом.

Между прочим, именно поэтому я воздержался от соблазна присвоить моему докладу звучное название «Встречи с Россией».

В большое смущение привела бы также ортодоксальных исследователей общественного мнения привычка наших соотечественников «оттуда» не говорить того, что они думают. Этот непривычный для Запада обычай также мало способствует применению общепринятых исследовательских приемов.

Короче говоря, результаты нашего непосредственного контакта с «той стороной» плохо поддаются разработке чисто научными методами.

Этот материал по самой своей природе ускользает от объективного исследования.

И вот тут-то приходит к нам на помощь наша субъективная, но обоснованная интуиция, наше «политическое телевидение». Живое ощущение родины помогает нам из леса запутанных и противоречивых высказываний и фактов выйти к правильным представлениям и выводам.

Опытный лесничий по одному крику испуганной птицы может представить себе целую сцену, разыгравшуюся на отдаленной поляне.

Так и мы, руководствуясь своим опытом и чутьем, должны попытаться по отдельным сигналам и свидетельствам восстановить картину внутренней жизни в далеком СССР.

При этом я хочу подчеркнуть следующее. Сказанное выше относится к уловлению таких невесомых тел, как настроения, надежды и желания, т. е. к **духовной** внутренней жизни, каковая и является темой моего доклада. В области изучения, например, советской экономики, дело обстоит, конечно, несколько иначе.

Несмотря на эти замечания, сделанные в интересах полной ясности, наши встречи с людьми «оттуда», разумеется, имеют самый животрепещущий, иногда просто потрясающий интерес.

Розыгрыш мирового первенства по гилям, Всемирная выставка в Брюсселе, гастроли балетного ансамбля Большого театра, Международный конгресс византологов, легко-

атлетические соревнования, Тринадцатая шахматная олимпиада, Седьмой всемирный фестиваль молодежи в Вене, гастроли Украинского государственного ансамбля песни и пляски, встреча с советскими туристами в Париже, Семнадцатые олимпийские игры в Риме, — вот далеко не полный перечень тех событий, которые давали нам возможность вступать в контакт с «той стороной» в течение последних пяти лет, причем речь идет только о нашем объединении и даже только об его европейских отделах.

Не упомянута в этом перечислении также обычная работа с советскими туристами и командами советских пароходов, которую наиболее регулярно проводит наш Бельгийский отдел.

Каково же первое впечатление от людей «оттуда», появившихся на Западе в столь необычном количестве?

Один из наших сотрудников выразил его в весьма простой, но очень удачной формуле: «турист туристу рознь».

Действительно, не взирая на безусловный «отбор» (не всегда удачный, как будет видно из дальнейшего), масса советских туристов, и вообще советских граждан, попадающих за границу, явно **распадается на довольно определенные типы.**

И первое, что при этом бросается в глаза, — это полное отсутствие **типа Николая Островского**, или его alter ego — Павла Корчагина.

Среди людей, появившихся из недр Советского Союза, мы не встретили ни Ларисы Рейснер, ни Фурманова, ни молодого Светлова, ни «девушки нашей», которая «в походной шинели горящей Каховкой идет».

Этот тип, **тип коммуниста высокого напряжения**, встречавшийся в СССР вплоть до последней войны, очевидно окончательно вымер.

Времена, когда Фрунзе водили армии, а Бухарины редактировали газеты, — повидимому, прошли безвозвратно.

Их место занял **тип Аджубея.**

Одному из нас довелось встречаться и даже беседовать с нынешним редактором «Известий». В нем, прежде всего, поражала полная атрофия всяких духовных интересов (если не считать таковыми выполнение служебных заданий). Не

только отвлеченные морально-философские проблемы, но и, например, проблемы советской международной политики оставляли его по существу совершенно равнодушным.

В Вене его интересовали, главным образом рестораны и ночные кабаре (справка из советского словаря: «кабаре — маленький ресторан с эстрадой, рассчитанный на грубые буржуазно-мещанские вкусы»).

Тип Аджубея встречается в двух вариациях, или, быть может, подобно двуликому Янусу, или Хрущеву, он попросту имеет два лица.

Первый лик, которым он обращается к свободному миру и, в частности, к нам, хорошо знаком по былым временам.

— Незачем шляться по заграницам! Поезжайте на родину, там можете разговаривать с советскими людьми сколько угодно! — кричит маленький «аджубей» в ответ на высказанное нами пожелание познакомиться с земляками.

— Вы изменник родины, и только, — обрывает дискуссию с нашим товарищем из Бельгийского отдела некий «руководитель» из группы туристов, прибывших на «Грузии». Он израсходовал все казенные аргументы, имевшиеся на вооружении, а придумывать собственные не привык.

— Почему ты здесь? Зачем клеветать на свою родину? Мы можем отучить тебя от этих занятий! — уже совсем недвусмысленно заявляет такой же мелкий «аджубей» грузинского происхождения другому члену нашего Бельгийского отдела. Последний вел дружескую беседу со вторым, «мирным» грузином из группы совтуристов, ехавших в коммунистический дом в Дампреми и попавших вместо этого на ужин с водкой к нашему единомышленнику.

Но «аджубей» могут обернуться и иной, более «культурной» стороной.

— Вы с какого года на Западе?

— С сорок восьмого.

— С какого?

— С сорок восьмого.

— Вот это да! Это очень интересно. Как же вы попали в Западную Германию?

Таким многообещающим диалогом начался разговор двух

наших работников с советскими штангистами, приехавшими на розыгрыш мирового первенства в Мюнхен.

Но тут к группе беседующих приблизился некий гражданин. У него была красивая, густая шевелюра и глаза с поволокой. В лице у подошедшего было что-то такое... словом этакое. Очень знакомое. К тому же его фигура и интересная бледность в лице показывали, что он не тренер, а, тем более, не штангист, и если и употреблял когда-либо гирю, то с совсем другими целями.

— Вы русский? — вежливо осведомился он у одного из наших работников, и, получив утвердительный ответ, предложил обоим «пройти в раздевалку и поговорить».

В раздевалке он пригласил наших работников приехать к нему в гости в восточный Берлин и дал «честное слово советского гражданина» устроить все так, что «комар носа не подточит» и они «целехоньки вернутся обратно». Затем незнакомец попробовал открыть политический диспут.

Видя, с кем они имеют дело, наши работники попытались вырваться из дружеских объятий.

— Мы пришли не для того, чтобы вас пропагандировать, — сказали они. — Видите, даже листовок не принесли.

— Почему? — удивился любезный собеседник. — Напрасно не принесли. Мы бы их почитали вместе, подумали. Ведь, может быть, наши головы действительно набиты коммунистической чепухой. А вы бы, так сказать, открыли нам глаза!

«Мы поняли» — так заканчивают свой рассказ наши работники, — «что нам пора спасаться бегством. Еще немного, и он подал бы заявление в ЦОПЭ».

Таков товарищ Юрчак, в то время официально «переводчик» советского посольства в восточном Берлине, а в действительности человек, в руках которого сходились многие нити по борьбе с политической эмиграцией.

Таков и К. Афанасьев, главный инженер советского торгпредства, разъезжавший в прошлом году по всей Западной Германии и вступавший, где только можно, в «длинные и интересные» разговоры с эмигрантами.

Таковы и похожие на обходительных акул молодые «посольские из Бонна», всегда шныряющие вокруг наших встреч.

Само собою разумеется, что оба «аджубея», — и девственно-советский, и «цивилизованный», — «два паруса лодки одной». И тот, и другой — опора и надежда нынешней опростившейся советской власти.

Я не хочу выносить каких бы то ни было приговоров, а, тем более, смертных.

Но нельзя не согласиться с одним из участников наших встреч, который следующим образом подводит итоги своему общению с «аджубеями»:

«Коммунистические ракеты летают на луну, но сами коммунисты разучились летать».

Как справедливо утверждает наш следующий докладчик Ф. А. Арнольд, «аджубеи» единственная группа в населении СССР, которой нет места в обществе будущей России.

Их сдадут на слом.

На историческую свалку нам с ними не по дороге, а потому по существу они не представляют для нас особенного интереса. Иное дело — их практическое значение.

Зато огромный интерес вызывает у нас тип, который уже успели окрестить «ведущим слоем»^{*)}.

Но предварительно еще одно замечание. Мой доклад не может, разумеется, вместить всего сырого материала, накопленного в результате наших встреч. Поэтому я вынужден давать его местами в переработанном, суммарном виде. Тем не менее, каждая деталь и даже каждое выражение, приводимое мною без указания источника, извлечены *in mühsamer Kleinarbeit*, как любят говорить криминалисты, из соответствующих свидетельских показаний.

---

^{*)} Не смешивать с «правлящим слоем».

К «обоснованной интуиции», упоминавшейся выше, я прибегаю только в сфере выводов и обобщений*).

Итак, о «ведущем слое».

Перед нами богатейший выбор оттенков — от почти партийного до почти революционного красного.

Сперва о **стоящих неподалеку от партийного аппарата.**

Их аргументацию в той части, где они утверждают советскую государственную систему, не так просто опровергнуть, как «аджубеевские» доводы.

Предположим, — говорят они, — советский строй, в самом деле, плох. **А что вы предлагаете взамен?** Демократию? Но слепо заимствовать западную демократию нельзя, а своей собственной выработать наш народ не может, т. к. разучился политически мыслить.

Вы собираетесь делать революцию? Но вы опоздали. Ее уже делали, целых три раза. Кроме того было четыре войны — гражданская, польская, финская и, на закуску, мировая. **Народ устал, и хочет, чтобы его оставили в покое.**

Да и можете ли вы поручиться, что после революции станет **лучше, а не хуже?** Не приведет ли она к неслышанному хаосу, который закончится **диктатурой**, еще худшей, чем сталинская? И не растащат ли под шумок Россию на части иностранцы, которым мы имеем все основания не доверять?

Да и не так уж плохо сейчас в Советском Союзе, как вы говорите. Внутреннее положение **непрерывно улучшается.** Внешне величие и могущество России достигло апогея. Сталинские времена не вернутся никогда.

Иными словами, они веруют в «эволюцию». Т. е. в такую «эволюцию», когда «непрерывные улучшения» достигнут, наконец, такого уровня, на котором их личные интересы, интересы **прослойки** в «ведущем слое», будут, как говорится, удовлетворены «полностью».

---

*) Я думаю, излишне подчеркивать, что в докладе изменены все «координаты», по которым можно было бы установить личности собеседников, оказавших нам доверие.

И они верят в себя, в свои силы.

— Сталинские времена не вернутся... а что, если, все-таки, вернутся, и «непрерывные улучшения» вдруг обернутся непрерывными ухудшениями? — спросил наш участник встреч крупного профессора-технолога, с которым познакомился во время брюссельской выставки.

— Все, что делает Хрущев на пользу народа, продиктовано, может быть, не его убеждением, а волей того же народа. Если Хрущев перестанет справляться со своим делом — мы его уберем, — совершенно откровенно ответил индустриальный профессор.

Чем же, в таком случае, все-таки, недовольна эта часть «ведущего слоя», чего ей не хватает в рамках советской системы?

На венском фестивале наш работник познакомился с молодым советским писателем и сотрудником одной из центральных газет. Писатель возмущался бойкотом фестиваля со стороны австрийцев, доказывал его успех, одним словом, бурно выражал сугубо правоверные чувства и, при этом, по-видимому, совершенно искренне.

Но когда наш работник предложил ему пойти поужинать, писатель сразу снизил тон и откровенно признался, что у него денег на это нет и, кроме того, он не может «отрываться», т. к. «в одиночку» им «ходить запрещено». (Тут следует пояснить, что даже видным представителям «ведущего слоя», зарабатывающим, конечно, достаточно, иностранной валюты разрешается иметь весьма мало. Это делается именно для того, чтобы помешать им «отрываться». Что же касается рядовых туристов, то, например, участникам венского фестиваля дали по 208 шиллингов (35 НМ на 9 дней).

Наш работник проводил писателя к месту его жительства. Писатель пригласил его зайти. Отель паршивенький, «теоретически» второго разряда, практически еще хуже. На ужин советским туристам дали по четверть литра пива, немного жареной картошки и «леберкез». Писателю, видимо, было неудобно.

Он, однако, не терял надежды. Несмотря на ортодоксаль-

ный образ мыслей, Вена, все же, произвела на него сильное впечатление.

— Вот, в следующий раз, — сказал он нашему работнику, — если удастся, приеду один. Тогда будет свободнее. Тогда буду ходить, сколько захочу и куда захочу. А сейчас нельзя.

Из этой эпизодической встречи ясно видно, чем данный молодой писатель может быть недоволен, и чего ему, очевидно, не хватает.

Недоволен он «леберкезом», а не хватает ему иностранной валюты и некоторой свободы действий.

Разумеется, писатель может рассуждать так:

— Почему бесполезный Аджубей шатается по ночным кабакам, а я и подобные мне, как-никак фактически делающие советскую прессу, должны сидеть взаперти и на «леберкезе»?

Наш работник ставит совершенно правильный диагноз, когда говорит, что этого писателя, не взирая на видимое отсутствие оппозиционных, а, тем более, враждебных настроений по отношению к режиму, нельзя стопроцентно отнести к представителям такового.

Действительно, он скорее относится к прослойке «ведущего слоя», непосредственно соприкасающейся с партией.

В общем, в этой части «ведущего слоя» сидят большие калькуляторы.

В индустриальных вельможах, генералах от экономики и сановниках культуры, из которых эта часть «ведущего слоя» по преимуществу складывается, в сущности, есть нечто от осторожного и расчетливого купца.

Он бы и не прочь сменить поставщика товаров, но, подсчитав на бумажке, с досадой бросает карандаш:

— Никак не получается! Риск-то больно велик. Всего капиталу можно решиться!

Рассуждения этих представителей «ведущего слоя» о вреде революции, о пользе народа и о величии России (на которое они особенно напевают), не всегда и не вполне искренни. В них много софистики и диалектики, позаимствованной у правительственных соседей.

Быть может, подсознательная цель их аргументации —

установить гармонию между велениями совести и необходимостью «блести свой интерес».

Околопартийная прослойка «ведущего слоя», о которой идет речь, — люди умные, солидные, весьма энергичные — но, так сказать, слишком уже **деловые**. Это — «буржуазная интеллигенция» по старой номенклатуре. Это люди нужные в хозяйстве, но есть в них что-то бескрылое, роднящее их с «аджубеями».

Теперь расскажем о встрече с людьми из «ведущего слоя» на более «высоком уровне». На более высоком фигурально, потому что здесь мы столкнулись с личностями более **высокого духовного полета**, и на более высоком буквально, потому что встреча происходила в одном из зимних курортов верхней Австрии.

В этом маленьком, заснеженном горном гнезде было очень удобно вести разговоры «по душам». Иллюзия «оторванности» от мира и атмосфера внутреннего уюта располагали к откровенности. Кроме того, советским туристам, проводившим тут отпуск, на этот раз, повидимому, действительно удалось «оторваться» от обычных «сопровождающих». Они радушно встретили нашего товарища и поспешили радостно сообщить ему об этом обстоятельстве:

— Мы совершенно свободны. За нами никто не следит. Можем говорить с кем хотим, и что хотим.

Видимо, это необычное положение приводило их в радужное настроение.

При этом новые знакомые сочли нужным сразу же подчеркнуть:

— У нас раньше так не было. **Только теперь**. Раньше — держи ухо востро. Теперь — здесь только друзья. Можно говорить свободно.

И вот, в хорошо натопленной комнате, обставленной в народном австрийском стиле, за длинным столом, перед нашим товарищем сидят семь человек:

Доктор математических наук Московского университета лет 50-ти. Паренек лет 20-ти, токарь — «стахановец» из Горького. Богатырь-сибиряк, работающий главным инженером на Урале, примерно, лет 35-ти. Мастер сталелитейного

завода оттуда же. Молодой человек лет 25-ти, мастер спорта из Ленинграда. Худой киевлянин, доцент археологии. Главный бухгалтер одного из крупных издательств в Киеве, мужчина средних лет.

— Как вам нравится этот австрийский курорт по сравнению с советскими? — спрашивает наш товарищ.

— У нас пока такого, конечно, нет. Но будет. Через несколько лет будет, — отвечает профессор математики.

В ответе слышится не только стандарт, но и искреннее желание уверить себя в «непрерывных улучшениях». Чувствуется привкус того самого химического, «синтетическим» путем добываемого оптимизма, о котором уже говорилось выше.

— А как вы находите австрийских лыжников?

— Они на много лучше нас, — решительно заявляет ленинградский мастер спорта. — Да, что там, разве мы можем с ними равняться!

— То есть, как это? — удивляется наш товарищ.

— Да вы посмотрите, как одеты они, и как мы. Посмотрите на наши лыжи, ботинки, светры, словом, на экипировку. Мы только здесь увидели, как надо снаряжать лыжника. Нам просто стыдно перед ними.

Ага, значит «будет», все-таки, не совсем то же самое, что «есть».

Но доктор математики не унывает:

— Придет и это, все придет, — повторяет он благодушно.

Как же, однако, оно «придет»? Каким образом? Ведь вот уже сорок лет «идет», а все еще не пришло?

На такой вопрос эти представители «ведущего слоя» дают ответ, странно звучащий в устах видимых защитников советской системы:

— Беда в том, что частной инициативы у нас нет, — говорит мастер-литейщик. — Не дают. Не позволяют. Я понимаю — в электроэнергии, в угле. Но в мелочах нужна частная инициатива. А то, «согласно госплана», лыжи изготовляет какой-нибудь товарищ в Казахстане. А он их и в глаза не видел.

Все утвердительно кивают головами. И лишь инженер-сибиряк добавляет:

— Все зависит от правильной границы между частной собственностью и общественной.

Значит, присутствующие дают себе отчет в том, что **частная инициатива неразрывно связана с частной собственностью.**

Но как же быть с Хрущевым? Как посмотрит он на восставших из пепла частных?

— Хрущев и насчет частной инициативы понимает. Ему только нельзя сразу. Вот, посмотрите, — заверяет неисправимый оптимист профессор.

Хрущев — в роли поборника частной инициативы... Поистине, искусственный оптимизм не знает границ. Человек хочет жить и верить в лучшее будущее.

Но, вместе с тем, при Хрущеве случилось нечто, действительно представляющее для сидящих здесь вполне реальную, и притом огромную ценность.

— Как вы хотите, чтобы, например, я относился к Хрущеву — горячо говорит худой и нервный доцент археологии в ответ на иронические реплики нашего товарища. — Сталин посадил меня и я просидел двенадцать лет. Пришел Хрущев и выпустил. И в таком положении немало наших.

Если судить по рассказам концлагерников, то, действительно, любой человек, вытащивший из такой ямы, мог стать милей родного брата. Даже Хрущев. Это можно и нужно понять.

Любопытны литературные вкусы семерки. Все они ставили Шолохова выше Пастернака-прозаика и считали несправедливым присуждение нобелевской премии последнему. Между прочим, с таким мнением нам приходилось сталкиваться не раз. Даже некий «римлянин», о котором речь впереди, явный оппозиционер и, быть может, потенциальный революционер, в этом пункте придерживался того же мнения.

— Нет, что ни говорите, — убеждал он нашего сотрудника, — а Алексей Толстой куда лучший писатель, чем Па-

стернак. Возьмите, к примеру, «Хождение по мукам», и вы сразу заметите разницу.

Гонения на писателя в большинстве случаев осуждали, но многие считали, что премию он получил, все же, незаслуженно. Это, впрочем, не мешало ходкому распространению «Доктора Живаго».

Что касается наших австрийских собеседников, то их любимыми современными писателями были Шолохов, Ал. Толстой и Бунин. Только мастер спорта назвал Хемингуэя и Веркора. Имя Бунина в списке показывает, что к писателям подходили не с «идеологической» стороны. Об этом говорят и презрительные отзывы о Симонове и Эренбурге:

— Симонов известная сволочь и подлиза. Помните его стихи о Сталине:

Не мать и не отца в сей страшный час,
Тебя лишь одного мы вспоминаем.

А теперь пишет книгу, в которой хочет показать, что Сталин был не так гениален, как сам же Симонов утверждал. Есть у нас еще один такой — Эренбург. Мы их соответственно и ценим.

Так говорил наш безобидный профессор.

Нет, они любили Шолохова и Алексея Толстого не из советского патриотизма. Здесь скорее сказывалась инерция русского реалистического романа.

Кстати, о патриотизме.

— Наша система позволила нам первыми построить и запустить «Спутника», а наш «Спутник III» самый большой, — вдруг объявляет паренек из Горького. Он все время молчал, но внимательно следил за разговором. Теперь ему, вероятно, показалось, что пора замолвить доброе слово за свое отечество.

— Здесь дело не только в системе, а и в русском человеке, — поправляет его киевлянин-археолог. — Наши ученые оказались способнее американских. Мы должны этим гордиться.

— А, по-моему, гордиться совсем не стоит, — говорит про-

фессор. — Если это приносит пользу человечеству, мы должны радоваться, а не гордиться.

— Я с этим совершенно согласен, — говорит инженер-сибиряк.

— И я, — неожиданно присоединяется паренек.

Можно не разделять такой точки зрения, но как этот широкий взгляд на вещи далек от ура-патриотизма «аджубеев» и их ближайших соседей по «ведущему слою», для которых всякого рода «спутники», прежде всего, утилитарное доказательство «величия, достигнутого Россией при советской системе».

Проблема «любви к родине», на этот раз буквально в форме «проблемы любви», была интересно поставлена двумя другими представителями, вернее, представительницами «ведущего слоя», в этом случае принадлежавшими уже к чисто интеллектуальной его прослойке.

Трое из числа мюнхенской русской молодежи узнали, что на Международный конгресс византологов в Мюнхене были две представительницы Советского Союза. Тройка отправилась к ним в отель и была очень мило принята обеими дамами. К слову, мы уже перестали этому удивляться: благожелательное отношение к эмиграции (мы не говорим, разумеется, о «сопровождающих»), стало вполне обычным явлением, — несомненный результат встреч «лицом к лицу».

Среди разговора, продолжавшегося около двух часов, более пожилая и более импульсивная собеседница вдруг воскликнула:

— А, знаете что, мне ведь вас жалко! Такая вы хорошая молодежь, а прозябаете по заграницам! Ехать бы вам домой, да и только! Едьте к нам в Ленинград. Я вас всех устрою.

Наши ответили, что любят родину, но остаются за рубежом вследствие того, что она порабощена, находится в коммунистическом плену.

— Нет, нет, вы не правы. Но, хорошо, представьте себе, что вы любите женщину. Если бы ваша любимая женщина страдала и вы любили бы ее по-настоящему, разве не захотели бы вы облегчить ее страдания и разделить ее участь?

Один из молодых людей резонно возразил седой, но энергичной даме, что нужно не разделять страдания, а пытаться от них избавиться.

Но не в том дело. То, что сказала советская научная работница, конечно, «совпатриотизм». Но и он не похож на тот квасной «патриотизм», который, судя по советским газетам, московская молодежь насмешливо окрестила «патриотизмом».

Однако, вернемся в Австрию.

Собеседование в бревенчатом домике за длинным столом оказалось длинным, — оно длилось четыре часа. Закончилось оно чем-то вроде политического «кредо», которое выразил могучий сибиряк, главный инженер уральского завода:

— Наши санки покатались сейчас с высот коллективизации и социализации, — сказал он. — Было бы хорошо, чтобы не так скоро остановились.

— Не так легко остановить, — вставил профессор.

— Да, сталинские времена прошли, — продолжал инженер. — Теперь нечего бояться. Вот, сидим же мы с вами и разговариваем свободно. Пять лет тому назад это было немыслимо. Чего мы еще хотим? Чтобы можно было жить. Чтоб крестьянину свою хату иметь, свое хозяйство. Ну и, конечно, чтоб войны не было.

Возражений не последовало. Вообще в группе замечалось какое-то внутреннее единодушие, несмотря на внешнюю разношерстность. Впрочем, ее объединяла одна весьма прозаическая вещь:

Профессор математики зарабатывал 5.000 рублей в месяц. Главный инженер — 4.000. Все остальные — в том же духе. Даже паренек-«стахановец» выколачивал не меньше полутора-двух.

Вспомним, что в Советском Союзе до сих пор существуют ставки в 300-400 рублей.

Если сопоставить оба ряда ставок, то станет ясным: туристов из австрийского домика, поехавших на собственные деньги за границу, чтобы провести там отпуск, объединяла их принадлежность к «ведущему слою».

Вместе с тем, мы не можем не заметить некоторых харак-

терных черт, отличающих этот более вольнодумный фланг «ведущего слоя» от описанного раньше сугубо «делового».

Правда, и эти, более «свободомыслящие» глашатаи «ведущего слоя», как будто, делают ставку на эволюцию.

Но в своих «пожеланиях», адресуемых советской власти, они идут значительно дальше.

Им кажется, что «санки» уже «покатились с высот коллективизации». И они хотят, чтобы эти санки докатились, не более и не менее, как до «частной инициативы», до «частной собственности» и до крестьянина, с порога своей хаты удовлетворенно озирающего собственные владения.

Здесь дело пахнет уже не «леберкезом» и не маленькими, «карманными» свободами.

Если бы такие представители «ведущего слоя» захотели избавиться от оптимистических заблуждений и додумать свои «скромные пожелания» до конца, то они бы поняли, что это, в сущности, «пожелание» советской власти самоликвидироваться.

Но попытаемся обрисовать «ведущий слой» в целом.

К этому весьма гетерогенному типу принадлежат люди, которым партийный аппарат мешает непосредственно. Они упираются головой в партийный настил. Это «потолок», который не позволяет им расти дальше. Партийные ограничения — это цепи, которые сковывают их свободу действий.

Но вся беда в том, что этим людям есть, что терять, кроме цепей. Отсюда их неестественный «оптимизм» и вполне естественная осторожность.

Они боятся, чтоб «не вышло хуже». Боятся «реставрации» и революционной встряски, как таковой. Боятся, что сложившаяся структура советского общества будет нарушена, и кто стал всем, станет опять ничем, или, по крайней мере, не тем.

Между прочим, разуверить их в этом — одна из важных задач нашей пропаганды.

Люди, из которых состоит этот привилегированный слой, не прочь избавиться от партии и советской системы, являющихся явной помехой их дальнейшему продвижению вперед. Но они хотели бы сделать это без особенных потрясений, как выбрасывают из супа муху, которая портит аппетит.

Так обстоит дело **сейчас**.

Но наступит, — или, быть может, уже наступает, — некий момент «х», когда придется убедиться, что Хрущев, все-таки, «насчет частной инициативы» не очень «понимает».

Тогда насильственному оптимизму и эволюционным иллюзиям придет неизбежный конец.

Станет ясно, что «непрерывные улучшения» непрерывно продолжают, а до настоящего хорошего так же далеко, как и раньше.

Станет очевидно, что хоть врачи усердно констатируют признаки выздоровления, но больной, тем не менее, помирает.

Как же поступит «ведущий слой», когда вопрос станет **«или-или»?**

«Если Хрущев перестанет справляться со своим делом, мы его уберем», говорит профессор-технолог.

Но, ведь, «убрать» одного Хрущева нельзя. Нужно снять всю постройку, фасадом которой он является.

Мне кажется, что «ведущий слой» **не сможет не пойти на революционные издержки**. Он растет и крепнет не по дням, а по часам, и уже в силу этого, подобно царевичу из «Сказки о царе Салтане», должен выбить дно из бочки, в которую его засадила советская система.

Конечно, такой «день х», день полного осознания альтернативы, наступит для различных частей «ведущего слоя», а, быть может, и для отдельных его представителей, **разновременно**. Но, раньше, или позже, все они потянутся за революционерами.

И тут вырисовывается вторая крупная задача нашей пропаганды, о которой подробнее скажет следующий докладчик, — подтолкнуть приближение такого дня.

Кто же, однако, эти современные советские **революционеры** и как они выглядят?

В силу вполне понятных причин, мы, к сожалению, мень-

ше всего можем рассказать об этом третьем типе людей «оттуда», который больше всего нас интересует.

Но вот история одной встречи, которая дает о них некоторое представление.

Во время венского фестиваля наш работник столкнулся на улице с группой советских туристов. Это была небольшая группа, состоявшая исключительно из молодежи.

Завязался разговор, сперва по поводу известного советского памятника, который как раз осматривали.

Одному из членов группы, ленинградскому студенту, памятник не понравился.

— Безвкусица, — пробормотал он поморщившись.

Наш работник рассказал о том, что в Вене этот памятник называют «неизвестный мародер» („Der unbekannte Plünderer“). Он добавил, что каждому русскому грустно и горько слушать такие несправедливые вещи, потому что Австрию ограбили не советские солдаты, а советские оккупационные власти.

Такое противопоставление народа и власти, к удивлению нашего работника, не только не вызвало возражений, но, наоборот, заслужило всеобщее одобрение.

Разговор перешел на советскую архитектуру вообще, которая, опять таки, к вящему удивлению нашего товарища, была единодушно признана верхом безвкусицы.

Когда пришло время прощаться, ленинградский студент неожиданно предложил нашему сотруднику встретиться еще раз на этом же месте завтра. При этом следует подчеркнуть, что из предшествовавшей беседы студент уже знал, что его собеседник — эмигрант из Западной Германии, специально приехавший на венский фестиваль.

— Около памятника начинается четвертый район, в котором расположены жилые дома советского посольства, — возразил наш работник. — Не лучше ли нам выбрать другое место?

Студент тотчас же согласился:

— Ну, если это так, то лучше здесь не встречаться. Лучше от них подальше. Вот еще надо следить, чтобы на наших

официальных не нарваться (он имел в виду «сопровождающих»).

Наш работник пригласил новых друзей пообедать. После некоторых колебаний они согласились.

— Ну, значит, только уговор, — обратился ленинградец к своим товарищам, — об этом не болтать. Скажем, что в городе заблудились и даже ругаться будем, если нам обеда не оставят.

За столом наш сотрудник совершенно откровенно рассказывал всей компании о том, что он работает в одной русской эмигрантской организации, занимающейся, между прочим, издательским делом.

Опять никакого «идеологического шока». Этот факт просто очень заинтересовал студента.

— А у вас есть что-нибудь из этих изданий? — живо спросил он.

— Сейчас с собой почти ничего нет. Есть только «Доктор», — ответил наш работник. Он умышленно не назвал роман Пастернака полностью.

— Ах, «Доктор»! — подскочил студент. — А нельзя было бы получить?

— Пожалуйста.

Студент моментально засунул книжку в карман и снова предупредил своих коллег:

— А об этом, товарищи, тоже никому ни слова. А то знаете, какие неприятности получатся.

Те привычно закивали головами.

Раздался общий дружный смех, когда наш сотрудник сообщил, что у нас здесь официальных «сопровождающих» советские туристические группы называют «няньками».

Это название им очень понравилось. Но еще больше, однако, нравилось им название, которым окрестили этих «надзирателей» австрийцы и немцы. Они именуют их «спутниками».

В скобках, должен сознаться, что я лично также разделяю предпочтение наших советских соотечественников. Образ уютной, морщинистой няни, вяжущей свой бесконечный чулок и ласково журащей детвору, весело резвящуюся вокруг,

у меня не очень вяжется с Юрчаками и Калинкиными («надзиравшими» за балетным ансамблем Большого театра). Гораздо удачнее кличка «спутник», в которой заключена некая ирония, как бы намек на несоответствие между величавыми техническими достижениями и убогой личной свободой.

Несмотря на хороший разговор, наш товарищ довольно скептически оценивал реальность второй встречи. Но уже в девять часов на следующее утро в отель к нему позвонил ленинградский студент и назначил время и место.

Второе свидание состоялось в полупустом ресторане. Кроме вчерашних собеседников, ленинградец привел с собой еще одного нового коллегу по университету.

Взаимное «прощупывание» было уже произведено накануне и говорили почти открыто. Очень интересовались численностью и деятельностью эмиграции, в частности, политическими целями и работой ЦОПЭ. Рассматривали наши издания, и видно было, что, если бы не боялись, забрали бы все. Но благоразумие взяло верх и студент, с явной болью душевной, ограничился тем, что выдрал из «Мостов» статью о Пастернаке. Второй студент взял книгу Авторханова «Технология власти». Прежде, чем записать ее в карман, он оборвал обложку, заметив при этом:

— Так оно вернее будет.

Много говорили о последней войне. Очень долго и подробно о «власовском» движении. Коснулись даже периода гражданской войны и «политики белых».

Различные точки зрения, разные оценки. Но ни грана «коммунистической идеологии», или официального совпатриотизма. Ни разу не прозвучали слова «изменники родины».

Расставались настоящими друзьями.

— Жаль, что вы не можете приехать к нам в Ленинград, — сказал один из студентов.

— Да, я смогу приехать только в том случае, если на родине все коренным образом изменится, — ответил наш сотрудник. — А это, вероятно, случится не так скоро.

Наступила маленькая пауза.

— А знаете что, — вдруг сказал второй студент, — может быть, это будет даже скорее, чем мы с вами предполагаем.

Оба ленинградца выражали настойчивое желание обязательно встретиться хотя бы еще раз и обещали звонить. Во время разговоров они буквально впитывали все, что наш работник успел рассказать им о Западе и о зарубежье. По выражению их лиц было видно, что они уже предвкушают тот момент, когда смогут поделиться своей «сенсационной» информацией с друзьями и знакомыми в Ленинграде.

...Но на следующий день они не позвонили. Не позвонили они и через день. В этот день наш сотрудник неожиданно наткнулся на них в уличной толпе. К нему осторожно подошел первый ленинградский знакомец и на ходу бросил:

— Нас, кажется, каким-то образом «засекли». Точно еще сами не знаем. Если будет возможность, позвоним. Очень хотелось бы, все-таки, еще встретиться. А вы будьте осторожны. Наши «официальные» собираются вас бить. Неофициально, конечно.

Он улыбнулся и затерялся в толпе.

Больше звонков не было. На этом история встречи кончается.

Такая же «встреча с продолжениями» произошла у другого нашего работника в Риме.

Знакомство состоялось в универсальном магазине.

Молодой оказался впоследствии мастером спорта и тренером одного из спортобществ, более пожилой — директором спортивного клуба где-то в пределах «большой Москвы» (Москва с пригородами). Оба приехали на олимпийские игры в качестве зрителей.

— Русских узнаешь по морде, — вместо приветствия произнес старший, с широкой улыбкой подходя к нашему сотруднику. — Вы с какой группой прилетели?

— Я приехал сюда один, — ответил наш сотрудник.

— То есть как это один?! — воскликнули оба и на лицах у них появилось что-то вроде суеверного ужаса.

Наш сотрудник объяснил, что он эмигрант и проживает в Западной Германии.

— Ага. Тогда вот что, дружок. Помоги мне продать фотоаппарат «Киев», который я нелегально вывез из Советского Союза.

Пожилой расстегнул пуговицу пиджака и показал заправленный под ним фотоаппарат.

Такой прямой и деловой «подход» подкупал и располагал к дружбе, которая и была немедленно заключена. Она продолжалась вплоть до отъезда обоих туристов из Рима и едва не закончилась для одного из них катастрофически.

Оба зарабатывали очень хорошо. Молодой имел даже автомашину. Будучи мастером спорта, он, кроме зарплаты, получал еще 200 рублей «за звание».

Но, несмотря на это, оба приятеля отличались полным отсутствием каких бы то ни было иллюзий.

— Неужели ты считаешь, что итальянцы бедные? Хотели бы мы быть такими бедными. Эх, друг, мало ты знаешь.

— Стоит ли вообще говорить о ценах на продукты и товары в Советском Союзе? Я думаю, всем известна никудышная покупательная способность рубля.

— Помнишь, мы видали с тобой сегодня мясо в магазине. Как вспомню, сердце болит. Без костей.

— А ты что, кости любишь? — не понял наш сотрудник.

— Какое, к черту, люблю! Они мне поперек горла стали. У нас если в мясе только половина костей — считай большим достижением.

— Ну, не в мясе счастье, — пошутил наш сотрудник.

— Да, мясо простая вещь. Ты, кстати, еще не забыл Маяковского?

— А что?

— «Гвоздь в моем сапоге кошмарней, чем фантазия Гете», — припоминаешь? Очень удачная строчка. Я ее давно заметил.

— В столицах снабжение лучше. О провинции не будем говорить. Пишут про улучшения? Возможно, что мы их не замечаем. По рассеянности. Издали виднее. Практически,

когда я еду на неделю на сто километров от Москвы, беру с собой два мешка продуктов.

— Что бы ни писали, средняя заработная плата не превышает у нас 500 рублей.

— Ты что — собрался меня агитировать против колхозов? Я был в Германии, видел, как крестьяне живут. А ты мне — колхозы. Я это лучше твоего знаю.

— Сейчас не так страшно. Мы, дружка, двадцать лет просидели в тюрьме, боялись пикнуть. Теперь, слава Богу, стало легче. Но, все же, как ты думаешь, что будет с нашими олимпийскими игроками, если они проиграют? С них в Москве спустят три шкуры и отправят по шпалам домой.

— Что стоит у нас человек? Это игрушка в руках партии. Несмотря на то, что мы занимаем хорошие должности, мы такие же собаки, как и всякий другой.

В таких красках обрисовывали два друга «внутреннее положение» в СССР и, одновременно, свои политические убеждения. Если принять во внимание, что оба являлись **членами партии**, а пожилой был даже старым, заслуженным партийцем, то их высказывания приобретают особенный интерес.

Запад произвел на них потрясающее впечатление:

— Что на Западе люди живут свободнее и лучше, мы уже знали по рассказам побывавших за границей. Но то, что мы сами увидели здесь, — превзошло все наши представления.

Такое же сильное впечатление произвела на них американская выставка в Москве:

— Если все это соответствует действительности, то американцы живут, как боги.

Вообще их личные вкусы отличались заметным американизмом. Вот как описывает наш работник совместный «завтрак, имевший место в одном из римских баров в 8 ч. утра:

« — Что вы будете пить, ребята? Кофе, чай, молоко, или томатный сок? — спросил я.

— Нет, нам чего-нибудь покрепче.

— Пива, водки?

— Что ты, мы водку здесь продаем сами и это мы можем выпить у себя дома. Вот виски... у нас его нет, а мы слышали, что это полезная вещь.

Мы подошли к стойке.

— Не знаю я, ребята, какого виски вы хотите. По правде говоря, я его очень мало пил.

— Закажем мы «Уайт хорс», — сказал молодой. — Об этом виски я слышал очень много у нас в Москве.

— И «кока-колу» для полного комплекта, — добавил старший.

Бармен поставил два стакана и налил по двойной порции виски.

— Что он так экономит? Пусть нальет по полному стакану, — заметил мастер спорта. Опорожнив стакан единым духом, он воскликнул:

— Нет, американцы — молодцы! Мне виски больше нравится, чем любая водка!

— И «кока-кола» вкусная, — присоединился директор спортклуба. — Но я ее уже пробовал на выставке.

Американские склонности обоих приятелей не ограничивались, впрочем, сферой спиртных напитков.

Как-то наш работник вздумал похвастаться своей коллекцией пластинок, — хорошим подбором русской симфонической музыки и русских, в том числе советских, народных песен.

— Колхозные песенки? — осклабились оба. — Кому это нужно? Это же страшная провинциальщина. У тебя, друг, отсталые вкусы.

— А какие же у вас вкусы? Что вам нравится? — спросил наш работник, обиженный за свои пластинки.

— Нам нравятся Луи Армстронг, Глен Миллер и Бени Гудман, — ясно и определенно ответили оба «западника».

Пусть нас не смущают такие высказывания. Это не испорченный вкус, не слепое подражание и не «низкопоклонство перед Западом». Это естественная реакция на постоянно пресную духовную пищу. Овсяная каша — здоровая еда, но попробуйте питаться ею лет сорок подряд, и я ручаюсь, что вас «потянет» на самые дешевые консервы.

О «конструктивной» политической программе двух друзей можно сказать **очень немного**.

Само собою разумеется, что в течение многодневного зна-

комства было взято и даже прочитано немало брошюр. Но когда наш сотрудник заявил, что целью политической организации, к которой он принадлежит, является свержение коммунистического режима на родине, старший из двух сказал:

— Это понятно. А дальше что?

Наш сотрудник изложил общедемократическую платформу ЦОПЭ.

— Неплохо, — задумчиво проговорил пожилой приятель. — Вероятно, и нам бы подошло. С некоторыми поправками. Но когда и как это придет — одному Богу известно. Вещь трудная...

Как уже упомянуто, длительное общение едва не завершилось провалом. Дело в том, что оно становилось все более тесным. Особенно молодой окончательно закусил удила. Вначале он являлся в отель к нашему работнику в двенадцать часов дня, затем в десять утра, наконец в семь тридцать.

— Тебя уже взяли на карандаш, — предостерегал его пожилой друг.

Но на все увещевания своего старшего собрата и нашего сотрудника, молодой мастер спорта отвечал:

— Второй раз за границей мне не бывать. К неприятностям не привыкать. Хочу пожить хоть несколько дней, как человек. Как живут все иностранцы.

— Дошел, — морщился и качал головой директор спортклуба.

Однажды молодой пришел вечером и решительно заявил:

— Пойдем, друже, посмотрим ночной Рим.

Доводы благоразумия, приведенные нашим работником, на него не действовали.

— Я не могу больше сидеть взаперти, под надзором наших «типчиков» (синоним «спутников»). Хочу пойти именно туда, куда мне хочется, и никаких гвоздей.

Зрелище ночного Рима чуть не обошлось нашему приятелю слишком дорого. Он вернулся в свою «казарму» (обозначение отеля) только под утро. А в девять часов утра к нашему работнику уже прибежал его старший товарищ:

— Вы что, в своем уме? Нам всю ночь приходилось по-очереди ложиться в его кровать, чтобы не заметили отсутствия. Ты только пойми, какой у нас был переполох. Я до сих пор не могу прийти в себя!

Он лишь с трудом успокоился.

— А теперь — концы в воду. Понятно? Пока. Придет время — может, встретимся.

— Когда КПСС «улыбнется», — сказал наш сотрудник.

— Будем ждать. И еще, — он положил руку нашему сотруднику на плечо, — ты, ведь, журналист, захочешь об этом написать. Я не против — пиши. Не упоминай только моего имени. До свиданья, дорогой, живи счастливо!

Так кончилась история этой второй встречи.

Из приведенных здесь двух иллюстраций становится ясным, что людей, принадлежащих к этому типу, **только условно** можно назвать «революционерами».

В лучшем случае, это только потенциальные революционеры, горючий материал для революции. Может быть также, что они являются питательной средой, в которой растут настоящие революционеры.

Тем не менее, и они имеют свой **профиль**, отличающий их от двух предыдущих типов.

Опознать их можно по некоему «тайному знаку», по одной типичной черте. Встречаясь с нами, политическими эмигрантами, они не говорят, как остальные, «мы» и «вы». Они говорят «мы» и «они», причем «мы» — это мы с ними, а «они» — всякого рода «аджубеи», от которых, по выражению ленинградского студента, «лучше держаться подальше».

Люди, образующие этот тип, — в большинстве своем элементы, элиминированные из «ведущего слоя». Но от представителей последнего они резко отличаются своим **абсолютным неверием** в «непрерывные улучшения», в эволюцию и готовность идти на риск. Они ищут повторных встреч, бе-

рут и, вне сомнений, распространяют нашу литературу в Советском Союзе и даже передают оттуда письма.

Может быть, осторожнее было бы, все-таки, называть их просто «оппозицией». Но если «революционер» — для них слишком много, то «ревизионист» или «оппозиционер», — несомненно, слишком мало. Это, все-таки, **отрицатели советской системы в целом** (о чем, впрочем, иногда приходится лишь догадываться).

Возможно, что среди советских граждан за границей есть и «стопроцентные» революционеры. Нам покамест обнаружить их не посчастливилось. А если бы и посчастливилось, то мы не стали бы сообщать об этом в публичном докладе.

Таковы **три типа**, на которые, разумеется, очень грубо и условно, можно разбить встречавшихся с нами людей «оттуда». Мне хотелось обрисовать их так, как я их **вижу**, чтобы они живой чередой прошли перед слушателями.

Как уже сказано вначале, подсоветские люди, встречающиеся за границей, не отображают полностью населения СССР. В пределах Союза остается огромная масса людей, которых **никогда** не пустят за границу. Это как бы подводная, большая часть корабля, никогда не появляющаяся на поверхности.

Вот об этой-то массе, которой часто присваивают эпитеты «инертная» и «темная», я хотел бы сказать еще два слова.

Существует точка зрения, по которой все «политически-активное», склонное и способное заниматься политической деятельностью, в СССР, в течение сорока лет, постепенно всосано и поглощено партией и комсомолом.

Остальное — вышеупомянутая, иногда, быть может, и не «темная», но, во всяком случае, политически-инертная масса.

Отсюда — исключительное внимание внутрипартийным распрям, пресловутая «ставка на внутрипартийную оппозицию» и на «дворцовый переворот».

Я не вполне разделяю эту точку зрения.

И, мне кажется, что именно наши встречи с «той стороной», о которых я рассказывал сегодня, усиливают наши сомнения в правильности такого взгляда.

Серость и духовное убожество «аджубеев», современных репрезентантов партии, с которыми мы, собственно, столкнулись вплотную впервые, никак не свидетельствуют о том, что эти люди способны самостоятельно мыслить и действовать.

На венском фестивале, например, они, кроме своего первого лозунга, — «мир, дружба», — додумались только до второго, — «дружба, мир», — и ничего более остроумного придумать не смогли.

Мне кажется, что без партии, и даже только без диктатуры в партии, они обречены на политическое бездействие.

Без двигающей их руки они способны сделать ровно столько же, сколько шахматы без шахматиста.

С другой стороны, «темная» масса бывает иногда далеко не «инертной». Интереснейший факт, иллюстрирующий это положение, сообщает наш Израильский отдел на основании свидетельств Сергея Яковлевича Эпельбаума, прибывшего из Советского Союза в Израиль в феврале 1960 года.

По роду своей службы в Брестском облпотребсоюзе, он разъезжал по всем районам области, наблюдая, между прочим, «страшную нужду крестьян, гнавшую их в город за хлебом» и «напоминавшую собой 1933 год».

Вот что, по рассказам Эпельбаума, произошло в одном селе во время венгерской революции:

«Слухи о венгерской революции были разнообразнейшие. Например, в селе Плотницы Брестской области прошел слух, что восстала Москва, и что Советская армия перешла на сторону народа, чтобы совместными усилиями свергнуть советскую власть. Крестьяне села реагировали на это по-своему: немедленно приступили к растаскиванию колхоза, а нелюбимого председателя повели к реке топить. Кончилось это, конечно, плачевно. Большинство крестьян восставшего села Плотницы

было арестовано частями МВД, прибывшими на место действия, а многие поплатились даже жизнью».

«Такого рода явление, — комментирует Эпельбаум, — свидетельствует о многом. В психологическом плане оно говорит о том, что народ, в случае малейшей революционной вспышки, поддержал бы восставших. Народ психологически готов к этому. В искаженном слухе, порожденном венгерской революцией, вылились надежды и чаяния народа».

Сегодня венгры отмечают годовщину своей революции. И я думаю, что им было бы небезынтересно узнать, какую неожиданную, но глубоко закономерную детонацию вызвала их революция в далеком брестском селе Плотноцы.

Действительно, мы недооцениваем пусть «инертной» и «стихийной», но огромной взрывчатой силы масс.

Каково же **общее** впечатление от нашего разговора с «той стороной», от наших встреч с людьми «оттуда»?

Что остается в душе после этих встреч «лицом к лицу», что чувствуем **мы** после них, «чем живем и на что надеемся»?

Один старый и умный человек, проживший за рубежом вот уже около сорока лет, сказал мне недавно:

— Со мной происходят странные вещи. Долго, очень долго образ России удалялся от меня, становился все туманнее и бледнее. Но с некоторых пор он стал опять **приближаться**. Он возвращается, он растет, он всё ближе и больше.

Я думаю, что этот умудренный опытом и внутренне чуткий человек, прав. И, может быть, прав и ленинградский студент, который говорит, что час нашего свидания с родной пробьет скорее, чем мы предполагаем.

Может быть, наши встречи с «той стороной», со всей их недосказанностью, со всеми недомолвками и даже разочарованиями, — только предвестники большой и окончательной встречи, встречи навсегда.

ФЕДОР АРНОЛЬД

Русская революция и коммунизм

Тема доклада — попытка определить место коммунизма в том огромном, охватившем нашу родину вот уже в течение восьмидесяти или даже ста лет преобразовательном процессе, который мы по праву можем назвать русской революцией. Ибо революция это не только государственный переворот, не только смена власти. Она только тогда заслуживает названия «революция», если в результате ее устанавливается новый порядок жизни людей, отвечающий интересам и чаяниям подавляющего большинства людей, претворяющих революцию страны. Революция — это длящийся годами и десятилетиями кризис всего общества, это — гигантская переплавка не только политических форм, социальной структуры и экономического устройства, но и всей духовной жизни, всех представлений данного народа. Революция меняет систему взглядов во всех основных вопросах жизни людей, создает новую логику, новую аргументацию. В сфере политической жизни, в сфере государственного устройства, революция прежде всего — принципиальный разрыв с определенным правопорядком, отрицание его основ и провозглашение нового права, нового правопорядка. Политические перевороты, т. е. выход революционного процесса на поверхность в форме политических потрясений, — только кульминационные пункты, только поворотные моменты революции, а не ее смысл. В ходе революции таких переворотов может быть несколько и не по ним судить о том — завершилась ли революция или нет.

О революции в таком широком, — и как мне кажется единственно правильном, — понимании слова и будет идти речь в данном докладе. Однако, попытка набросать схему развития русской революции и определить место коммунизма в ней не является для меня самоцелью. Как то, так и другое — всего-навсего предпосылка; только фон, на котором разворачивается антикоммунистическая освободительная борьба нашего народа, а тем самым и деятельность политической эмиграции. Другими словами, анализ русского революционного процесса и коммунистического этапа русской революции интересует меня в рамках данного доклада в первую очередь как предпосылки для определения места освободительной борьбы нашего народа, а тем самым и нашей эмиграции, в русской революции.

Без понимания этого места антикоммунистической освободительной борьбы в русской революции невозможна, как я убежден, сознательная и целеустремленная политическая борьба, тем более, если эта борьба носит революционный характер, т. е. направлена на коренное изменение существующего порядка. Несколько перефразируя Ленина можно сказать, что без революционной теории не может быть и сознательной, целеустремленной революционной практики. Стратегия и тактика революционной борьбы могут быть разработаны только опираясь на революционную теорию, только в этом случае могут быть действенными.

Конечно, теория может быть ошибочной. Это относится и к выдвигаемым в данном докладе тезисам. Но лучше иметь ошибочную теорию, чем вообще не иметь никакой теории. Даже самый радикальный «прагматизм» имеет в конечном счете теоретическую основу, пускай и не всегда ощущаемую самими «прагматиками». Ведь и они действуют ради какой-то цели, руководствуются какими-то принципами. Ошибочная теория только тогда вредна, когда она консервируется, выдается за единственно-правильную, претендует быть истинной. Поэтому необходимо постоянно проверять теорию на фактах реальной действительности, вносить в нее изменения и дополнения каждый раз, как становится очевидным несоответствие теории с жизнью. Выдвигая теоретические тези-

сы в данном докладе, я преследую и эту цель — внесение в результате дискуссии коррективов в не претендующую ни на исчерпывающую полноту, ни на абсолютную правильность теорию.

Прежде чем перейти к основной теме доклада разрешите сделать еще одно замечание: предоставленное мне время лишает меня возможности подробно остановиться на отдельных тезисах, а тем более обстоятельно обосновать их. Поскольку, однако, большая часть из выдвигаемых мною в данном докладе положений была уже опубликована в «Свободе», для нашей дискуссии будет, пожалуй, даже лучше, если я ограничусь выдвижением основных установок и опирающихся на них выводов для стратегии и тактики нашей борьбы.

Основной выдвигаемый мною для обсуждения тезис — это **незавершенность русской революции**. Принявший конкретные формы во второй половине прошлого столетия революционный преобразовательный процесс на нашей родине не закончен и по сей день. Русская революция (в смысле данного в начале доклада определения) **еще продолжается**. Созданная коммунистами система представляет собой **только один из этапов этого процесса**. Этап этот весьма своеобразен и определение его места в русской революции требует поэтому указания на некоторые особенности русской революции.

Первая особенность русской революции — это ее «промежуточный» характер это — **то место, какое она занимает в истории революций вообще**. Если рассматривать русскую революцию не с национальной точки зрения, не в рамках исторического развития России, а, так сказать, с **интернациональной**, с «всеобщемировой» точки зрения, то становится очевидным, что она занимает **среднее место между европейскими революциями и революциями во внеевропейских, так называемых «развивающихся» странах**.

Причина такого «промежуточного» положения русской революции кроется в **двойственном характере старой России**, как **европейской страны по основам ее духовного уклада** и отчасти и по своему политическому устройству, — не говоря уже об ее географическом положении и этническом харак-

тере основной массы населения, — и **страны вне-европейской** по своему социальному и экономическому укладу.

Этот тезис может показаться весьма спорным и во избежание недоразумений попытаюсь поэтому уточнить его. Говоря о принципиально-европейском духовном укладе России, я имею здесь прежде всего в виду принадлежность России к христианскому миру, а тем самым и к опирающемуся на христианство и античное мышление мировоззрению. Если русское мышление во многом и отличалось от западно-европейского, то в сравнении, например, с китайцем, индусом или негром, русский человек всегда, — а не только после петровских реформ, — мыслил «европейски». Петровские реформы только «обновили» это мышление, предоставили ему возможность снова включиться в общеевропейскую духовную жизнь, стать его составной частью. Говоря языком Достоевского, Россия ответила на петровские реформы — Пушкиным. Одновременно эпоха Петра, а затем Екатерининская эпоха «европеизировали» до известной степени и политическое устройство России.

Иное дело социальный и экономический уклад России. До конца прошлого века, а в основном еще и накануне политических потрясений 1917 года, он был не сравним с социальным и экономическим укладом европейских стран, а скорее походил на уклад стран Ближнего Востока, Азии или других вне-европейских стран. (За исключением, конечно, Северной Америки и Австралии, которые под данным углом зрения необходимо причислить к европейским странам). **С точки зрения социального уклада** Россия не знала, в противовес Западной Европе, автономности, а тем самым и самодовлеющего значения социальных групп общества, т. е. по существу не знала органического сословного права. Если вспомнить, что до середины XVII века Россия даже не знала формального деления на городское и сельское население, что такое деление было введено правительством из фискальных соображений, что даже боярство допетровской России не имело специальных, нерушимых для Престола прав, что деление русского общества на сословия было введено петровским «табелем о рангах», то уже из этого перечня становится очевид-

ным коренное отличие русского социального уклада от западно-европейского. То же можно сказать о «ведущем слое», о той группе людей, в чьих руках находилась власть в стране. Это была не буржуазия, не даже поместное дворянство, а бюрократия во всех ее разновидностях.

Что касается экономики, то достаточно указать на то обстоятельство, что хотя Россия издавна знала как ремесло, так и торговлю, но ни то, ни другое не переросло **органически** в промышленность и кредитно-финансовое хозяйство. Россия с большим опозданием против западно-европейских стран вступила на путь индустриализации, чем отчасти и объясняется бурный рост русской промышленности в конце прошлого века: Россия может целиком воспользоваться опытом Западной Европы и Америки, перенять у них новейшие достижения техники и организации производства.

Имеется, наконец, третье — и, пожалуй, решающее для всего прохождения русской революции, — обстоятельство, объединяющее Россию с вне-европейскими странами. Это — **особое положение интеллигенции**. Десятилетиями раньше, чем в т. н. «развивающихся» странах, но значительно позднее, чем в Западной Европе, и не органически, — т. е. в результате многовекового развития, — а под внешним влиянием эпохи просвещения и секуляризации государственного управления с времен Петра, — в России возникает широкая интеллигентская прослойка. Европейское образование и европейские идеи охватывают Россию раньше, чем индустриализация и радикальная «европеизация» социального и политического устройства жизни. Воспитанная на передовых европейских идеях, на последних достижениях европейской науки, русская интеллигенция, с одной стороны, не находит для себя столь же полного применения в экономической и общественной жизни, как воспитанная на тех же идеях европейская интеллигенция, а с другой — невольно сравнивает европейские идеи с русской действительностью. Так «лишние люди» становятся революционерами, пытающимися привести в соответствие свои представления о «справедливых» формах человеческого общежития с русской реальностью.

Два обстоятельства придают революционным устремле-

ниям русской интеллигенции роковой характер: **отталкивание** от европейской действительности в результате приложения все тех же европейских идей не только к русской, но и к европейской реальности, и **невозможность** как открыто обсуждать политические идеи, так и тем более проверять их на практике. Психологически вполне понятное отталкивание от Европы невольно толкает русскую революционную интеллигенцию к максимализму, к непониманию ограниченности человеческих возможностей, а тем самым и к нежеланию удовлетвориться посредственным, компромиссом. Невозможность открытой дискуссии, а тем более проверки практикой политических идеалов революционной интеллигенции ведет к консервации и радикализации этих идеалов. Разрыв между идеями и действительностью от этого только углубляется, обрекает идеи на роль фетиша, порождает миф об их всеисилии.

Таким образом, русская интеллигенция, значительно более полно и глубоко, чем интеллигенция вне-европейских стран, осваивающая европейские идеи и европейское мышление, сама становящаяся составной частью европейской интеллигенции (укрепляя тем самым принадлежность России к Европе), одновременно толкает Россию не по европейскому, а по особому, — я бы даже сказал чисто «умозрительному», — пути, имеющему мало общего со стоящими перед Россией действительными задачами и проблемами.

Русская революция, тот огромный преобразовательный процесс, который, как указывалось выше, еще не нашел своего завершения, развивается сперва в отрыве от идей и революционной деятельности интеллигенции. Смысл этого процесса — «европеизация» России в плане социальных, экономических, а тем самым и политических преобразований. Перед Россией стоит задача, либо стать европейской страной не только по своему духовному складу, не только по своей принадлежности к европейской культуре, но и по своему социально-экономическому укладу, либо скатиться на положение второстепенного государства. Без индустриализации невозможно ни сохранить место России в ряду великих держав, ни разрешить внутренние проблемы, которые невольно

принесла интенсивная политическая, культурная и экономическая связь с Западной Европой за предыдущие полтора столетия.

Конечно, было бы неправильно думать, что русская революция исчерпывается «европеизацией» русской экономики, что определяющим в ней является, говоря языком марксизма, «материальная база жизни общества». Преобразовательный процесс охватывает все области жизни общества, а не только хозяйство. Но в России наиболее революционизирующим фактором явилась именно экономика. И это потому, что организовывая транспорт, способствуя развитию русской промышленности правительство в то же время препятствует неизбежным в связи с индустриализацией социальным и политическим изменениям. Как нельзя заводить фабрики и заводы без наличия свободной рабочей силы, т. е. без освобождения крестьян от крепостной зависимости, так невозможно проводить и индустриализацию без введения социальных, культурных и политических условий, необходимых для беспрепятственного и наиболее эффективного функционирования промышленности. Если экономика и не является «движущим» фактором в истории, противу заявления марксистов, то во всяком случае определенные формы экономики неразрывно связаны с определенными социальными, политическими и правовыми формами человеческого общежития, с определенным уровнем культурного развития. Нежелание русского правительства проводить последовательную политику, — т. е. способствуя развитию экономики, одновременно менять и весь характер жизни страны, — только углубляло революционную ситуацию в России, ускоряло действие революционного процесса.

Между тем, несомненно, что Россия, начиная с эпохи Великих реформ, вступила на путь преобразования всего уклада русской жизни, но не в соответствии с идеями революционной интеллигенции, а в соответствии со стоящими перед страной задачами и в конкретной реальности русской жизни.

Таким образом, мы можем говорить не только о «промежуточном» месте русской революции в мировом масштабе, но и о ее внутреннем дуализме, о слиянии в ней двух процессов:

— социально-экономического (а тем самым и политического и культурно-политического) преобразования страны с духовно-политическим бунтом русской интеллигенции. С одной стороны русская революция — **результат общего развития России**, переходная эпоха в формировании русского общества и русской экономики, а с другой — **выражение развития общественно-политических идей** и революционной борьбы русской интеллигенции.

По существу в русской революции присутствуют две **революции**: революция, продиктованная самим ходом развития страны, и «революция», порожденная противоречием между русской действительностью и умозрительными представлениями русской интеллигенции о путях ее преобразования.

Вполне понятно, что наличие в русской революции двух процессов такого рода, их своеобразное слияние в один общий революционный процесс не носит, да и не может носить чисто механического характера. Они то сливаются воедино, то идут параллельно, то далеко расходятся, но в то же время составляют историческую реальность русской революции. Тесная взаимосвязь обоих процессов при их одновременной внутренней противоположности как раз и придала всему ходу русской революции, особенно же ее коммунистической фазе, своеобразный, отличающий ее от других революций характер.

Упуская здесь за недостатком времени даже самую беглую характеристику генезиса обоих процессов, остановимся на решающем этапе русской революции, на первой четверти нашего века. При этом я позволю себе прибегнуть к сравнению, которое, как и все сравнения подобного рода, может быть только условным, только вспомогательным средством для объяснения основной мысли, но ни в коем случае не должно быть понято как идентичность обоих сравниваемых явлений. Напротив, сравнение между обоими явлениями и должно показать, в чем, собственно, русская революция отличается от других европейских революций.

В этом смысле я хотел бы провести сравнение между русской революцией и тем «эталонном» революций, каким и является классическая европейская революция — Великая

французская революция. Европеизация социально-экономического и политического уклада России ставила перед русской революцией во многом сходную с Французской революцией задачу: ликвидацию старого режима, его правопорядка, и создание предпосылок для развития России в новых условиях индустриального века. Между тем, имеется и большая разница между обеими революциями. Серия политических переворотов, открывшаяся штурмом Бастилии, была во Франции прежде всего средством для замены одного ведущего слоя общества другим, при чем новый ведущий слой, так наз. «третье сословие», не только уже существовал, но и фактически уже держал в своих руках как экономическую, так и культурную жизнь страны. «Третье сословие» во Франции было вполне оформившимся слоем общества. В России же такого «третьего сословия» по существу не было. Была русская буржуазия, было русское купечество, были люди свободных профессий. В определенную социальную группу они еще не оформились, были количественно еще весьма слабы и почти не обладали политическим опытом. Прежде чем перерасти в политическую революцию, русская революция должна была сперва расширить этот слой, сделать его общественной силой, занимающей в жизни страны центральное место. Поэтому вызванный специфическими условиями, и по сравнению с французской революцией «преждевременный» выход русского революционного процесса на политическую арену сопровождался парадоксальным положением, — революция во имя «третьего сословия» перешла в стадию политического переворота без фактического наличия этого «третьего сословия».

Это обстоятельство определило ход русской революции в период политических потрясений 1917 года. Интеллигенция стала в России не только практическим осуществителем политической революции, — такую роль интеллигенция выполняла во всех известных революциях, — но и подменила собой «ведущий слой» общества. — носителя революции и пожинателя ее плодов. Возвращаясь к сравнению с французской революцией, можно легко установить, что с внешней стороны политические потрясения между 1917 и 1921 годом

повторяют в общих чертах перипетии французской революции 1789-1794 годов. Как и во Франции, русская политическая революция проделывает путь от либералов до «якобинской» диктатуры большевиков. Но вместо «термидора», который завершил во Франции «якобинский» период революции и передал власть в руки «третьего сословия», русская революция застыла — из-за отсутствия этого «третьего сословия» — на своем «якобинском» этапе, который постепенно институционализировался, т. е. из переходного явления перерос в систему, обернулся режимом тоталитарной диктатуры. Социально-экономическая революция оказалась в 1917 г. узурпированной радикальным крылом русской интеллигенции, начавшим осуществлять свою умозрительную программу «переустройства общества».

С этого момента дуализм русской революции приобретает совершенно специфический характер: органически связанный со всем развитием России за последние сто лет социально-экономический преобразовательный процесс оказывается втиснутым в прокрустово ложе динамики тоталитарного политического движения, ставящего себе цели, не имеющие ничего общего с целями русской революции.

Эта «внутренняя диалектика» дальнейшего хода русской революции не замедлила сказаться как на формах осуществления социально-экономического преобразовательного процесса, так и на динамике коммунистического тоталитаризма. Извратив цели и задачи русской революции, коммунизм, в то же время не мог и не может ее целиком преодолеть. Говоря языком Гегеля, «хитрость истории» заставляет коммунистов, преследуя свои собственные цели, хотя бы и превратно, но все же в какой-то мере осуществлять и задачи, поставленные русской революцией.

Характерной особенностью развития коммунистического тоталитаризма у нас на родине является именно то обстоятельство, что коммунистам при осуществлении своего плана построения тоталитарного коммунистического общества удастся добиться известных успехов только в тех случаях, когда их внутриполитические мероприятия — а только о них и идет здесь речь — в какой-то мере совпадают с основными

задачами русской революции. И, наоборот, те их мероприятия, которые идут вразрез с целями русской революции, систематически терпят фиаско.

Если обобщить цели и задачи русской революции, то их можно объединить в следующих пяти пунктах:

1. дальнейшая индустриализация страны, превращение России в передовую промышленную державу;
2. создание предпосылок для беспрепятственного развития «третьего сословия», т. е. того слоя, который на Западе раньше называли крупной, средней и мелкой буржуазией, а сегодня называют «миром дельцов», объединяющим как свободных (крупных и мелких) предпринимателей и менеджеров-хозяйственников;
3. создание культурного, опирающегося на личную собственность и передовую технику сельского хозяйства;
4. осуществление культурной революции, т. е. повышение культурного уровня всего населения;
5. осуществление демократических форм правления, начиная от местного самоуправления и кончая правительством, т. е. соучастие общества в управлении страной.

Не подлежит сомнению, что коммунисты, — хотя субъективно и по совершенно иным побуждениям, — продолжили индустриализацию страны, методами, конечно, ничего общего с целями русской революции не имеющими. И именно в этом отношении у них имеются неоспоримые успехи. Другой вопрос, насколько более внушительными были бы эти успехи при естественном прохождении русской революции.

Не подлежит также сомнению, что в ходе индустриализации страны они были вынуждены — и к тому же против своей воли — допустить возникновение «мира дельцов», или делового класса, ничем по своим функциям в жизни страны в сущности не отличающегося от предпринимателей и менеджеров-хозяйственников стран Запада.

Не подлежит также сомнению, что коммунистам удалось осуществить культурную революцию, хотя опять же метода-

ми, ничего общего с задачами русской революции не имеющими. Но и здесь, так же как и при индустриализации, коммунистам удалось добиться крупных успехов.

Зато в области сельского хозяйства, где коммунистический эксперимент не имел и не имеет даже отдаленного отношения к задачам русской революции, они вот уже в течение 30 лет вынуждены терпеть одно поражение за другим. И, наоборот, только мероприятия, идущие в разрез с целями коммунистического эксперимента приносят коммунистам и здесь мизерные успехи.

Институционализация «якобинской диктатуры» и превращение партии «профессиональных революционеров» в партию профессиональных политических чиновников или «партаппаратчиков» и создание ими тоталитарного режима предотвратило, конечно, возникновение даже намеков на демократические формы управления. Однако, не надо забывать, что, создавая самый что ни на есть антидемократический строй, «партаппаратчики» были вынуждены прибегнуть к демократической маскировке, к организации формально-демократических учреждений от сельсовета до Верховного Совета.

Характерной особенностью современного этапа русской революции является то, что коммунизм не только исчерпал свою «якобинскую» функцию в русской революции (это случилось уже давно), но и вступил в период абсолютного противоречия к действительности. Длющаяся вот уже более сорока лет «якобинская» фаза революции целиком изжила себя и находится в состоянии перманентного структурного кризиса. До тех пор, пока коммунизм хотя бы отдаленно, хотя бы превратно и по совершенно иным побуждениям, но все же выполнял задачи русского революционного преобразовательного процесса, он мог и сам развиваться. Выполнив в доступных ему размерах стоявшие перед русской революцией задачи, он оказался неспособным к самостоятельному развитию. Паразитарный характер коммунистического тоталитаризма перерос из помехи для нормального развития русской революции в помеху для самого коммунизма.

Структурный кризис коммунистического тоталитаризма наиболее верный признак приближения завершающего эта-

па русской революции. Отличительная черта этого кризиса — противоречие между политической и социально-экономической, (равно как и духовной) действительностью и неспособность системы разрешить это противоречие присущими ей средствами.

Наиболее ярко бросается в глаза противоречие между соответствующим системе (и отвечающим ее идеологическим установкам) общественным устройством и реальной социально-общественной действительностью. Вместо конгломерата атомизированных индивидуумов, отличающихся друг от друга только функциями в производственном процессе, (причем и это различие должно согласно теории со временем исчезнуть), — возникло дифференцированное общество, обнаруживающее тенденцию к углублению расслоения между отдельными общественными группами, а совсем не к стиранию общественных противоречий.

Как уже было отмечено, в процессе индустриализации против воли коммунистического руководства возник мощный «ведущий слой», официально именуемый «советской интеллигенцией», хотя в него входят хозяйственники, техники, работники администрации и иные «деловики». Выполняя ту же функцию, что и «мир дельцов» на Западе, составляя экономическую и культурную элиту общества, «ведущий слой» только в ограниченном числе своих представителей, только в сливающейся с партаппаратом верхушке имеет влияние на политическую жизнь страны. Создавая материальные и духовные ценности, фактически руководя повседневной жизнью, «ведущий слой» в такой же мере политически зависим, в такой же мере бесправен, как и все население страны.

Власть находится в руках профессиональных политиков, в руках партаппарата или «нового класса», как его назвал Джилас. Эта партия внутри партии и есть действительный носитель тоталитарной системы, окружающей себя кадрами придержателей, вроде аппарата госбезопасности, аппаратчиков массовых организаций и разных «активистов» (или как их называют в стране — «дураков с инициативой»). Именно эта мизерная группа, насчитывающая не более одного процента населения, определяет всю политическую, экономиче-

скую и культурную жизнь страны, является распорядителем, а тем самым и действительным пожинателем результатов труда всего общества.

Социальный кризис, социальное противоречие между «ведущим слоем» и партаппаратом углубляется отсутствием у партаппарата ясных политических функций внутри страны. «Построение коммунизма», провозглашенное Хрущевым, нуждается в специалистах, а не в политиках. Создание «экономической базы» коммунизма и повышение «культурного уровня общества» не имеют ничего общего ни с «классовой борьбой» (которая к тому же и немыслима в «бесклассовом обществе») ни с мобилизацией масс для «индустриализации и коллективизации». Претензия партаппарата быть «руководящей силой» ни на какую конструктивную роль внутри самой системы (даже по логике самой системы) больше не опирается, она покоится только на утверждении, что партия является «носителем истины», что при общем отношении к идеологии внутри страны мало содействует упрочению положения партаппарата.

Определяя под углом социальной ситуации в стране современный этап русской революции, можно, как мне кажется, утверждать, что Россия вот уже в течение нескольких лет находится в преддверии запоздалого «термидора». «Третье сословие», которого фактически не было в период политических потрясений в начале этого века, теперь наличествует в лице «ведущего слоя», в лице хозяйственников-инженеров, административных работников, и других групп так называемой «советской интеллигенции».

Конечно, не следует из этого тезиса делать вывод, что я считаю советских хозяйственников и «деловиков» наиболее революционной группой общества, на которую надо делать ставку при борьбе за освобождение родины. Советские хозяйственники и «деловики» революционны не субъективно, не из личных побуждений, а объективно как «ведущий слой» общества, находящийся благодаря своему положению и выполняемым им функциям в жизни страны в принципиальном противоречии с существующей системой. Равно как французская или английская буржуазия в XVII и XVIII ве-

ках или как русская буржуазия в начале этого века, «ведущий слой» современного советского общества склонен к компромиссам с властью, готов идти на сделки с партаппаратом во имя своего благополучия. Но с другой стороны, во имя того же благополучия, во имя консолидации завоеванного этим слоем общественного и материального положения он повседневно попадает в противоречие к власти, к партаппарату.

Особенно сильно это противоречие между правящим слоем, т. е. партаппаратом, и «ведущим слоем», сказывается в советской экономике, переживающей так же как и вся система глубокий структурный кризис. Смысл его — в несовместимости системы централизованного планового хозяйства с экономической реальностью, (не говоря уже о его несовместимости с интересами населения не только как потребителя, но и как производителя). Практика показала, что развитие экономики, что технический прогресс и наиболее эффективное производство невозможны без отделения экономики от политики, т. е. без введения рыночного хозяйства. Я не могу здесь останавливаться на подробностях, и ограничусь поэтому только указанием на такие обязательные для нормального функционирования советской экономики факторы, которые фактически не могут быть разрешены плановым хозяйством, как невозможность планирования коммуникаций между отдельными объектами народного хозяйства, как невозможность повышения производительности труда без улучшения жизненных условий производителей, как невозможность технического процесса без конкуренции, как отсутствие возможности удешевить производство без освобождения его от административно-бюрократического раздутго аппарата, что в свою очередь требует независимости отдельных хозяйственных единиц. Горе советской экономики, могущей производить спутники и сложнейшие машины, в том, что она подчиняется не экономическим, а политическим законам, что не ее рентабельность, а политические интересы правящей группы определяют ее развитие и функционирование. Рост индустриализации страны повседневно доказывает, что управление хозяйством коммунистическими методами — несовместимо с самой сущностью экономического процесса.

Неудивительно поэтому, что столкновения между «ведущим слоем» и партаппаратом наиболее интенсивны в области народного хозяйства. Это еще не политика и до политического переворота тут еще далеко. Но кризис экономики наряду с кризисом системы, наряду с объективными социальными противоречиями внутри ее — необходимая предпосылка для перерастания общего кризиса в «термидор».

На баррикады освободительной политической революции народ поведут не «деловики», а все-та же духовная интеллигенция, поддержанная молодым поколением и частью инженерно-технической интеллигенции, а вероятно, и частью офицерства. Политический переворот «делают» революционеры-идеалисты, а не «деловики». Но зато «деловики», как и свое время английская и французская буржуазия, — наиболее верный гарант стабилизации положения после политического переворота, предотвращения создания «идеального общества» по умозрительным «проектам» революционеров-идеалистов. Революционная интеллигенция играет в политической революции (и при этом в любой революции) ту же роль, что мавр в Шиллеровском «Заговоре Фиеско»: когда она выполнила свою роль водителя революционных битв, она должна сойти со сцены и уступить место реальной действительности. К сожалению, интеллигенция это обычно забывает. Буржуазия или «дельцы» могут быть нам всем людьми весьма несимпатичными, мы можем отрицать их мещанское мироощущение, их стяжательство и их эгоцентризм. Но не надо забывать, что именно буржуазия из своих корыстных побуждений в состоянии обеспечить наличие такого правопорядка и такого общественного устройства, которое в условиях нашего времени предоставляет максимум прав и свобод, обеспечивает максимум влияния народа на политическую, духовную и экономическую жизнь страны. Надо понять, что нормальную жизнь общества, создание мыслимо широких возможностей для развития человеческой личности обеспечивают не идеалисты, а стяжатели, дельцы и крепкие хозяева, которые ради защиты собственных интересов вынуждены предоставить всему обществу то количество свободы и

права, какое вообще претворимо в нашу эпоху массового общества.

Возвращаясь к теме грядущего завершения русской революции, к теме «термидора», следует сказать еще несколько слов об уже затронутой вскользь неспособности системы справиться с противоречиями между политическим режимом и действительностью, справиться со структурным кризисом присущими ей средствами. Ни к массовому террору, как средству автоматизации общества и разрешения проблемы смены поколений в кадрах аппарата (включая и сам партаппарат), ни к сталинским методам руководства хозяйством — возврата фактически нет. Конечно, организация и проведение новой «большой чистки» теоретически не может быть исключена, но, вероятно, она приведет не только к смене руководящей группы (как это случилось даже с самим Сталиным) но и к глубочайшим потрясениям всей системы, а, возможно, и к волне восстаний, могущих перерасти в антикоммунистический политический переворот. (Я уже не говорю о том, что «чистка» предотвратит на годы даже относительную возможность «догнать и перегнать Соединенные Штаты»). Отличительной чертой хрущевского руководства ведь и является попытка примирить изменившуюся реальность с политической системой, причем Хрущев вынужден прибегать к методам, вытекающим не из внутренней логики системы, а из чуждых ей тенденций. Другое дело, что Хрущев, конечно, стремится подладить эти неадекватные системе методы под систему, что и определяет их половинчатый, не приносящий ни власти ни народу существенных преимуществ, характер.

Подводя итоги такому беглому анализу структурного кризиса коммунизма у нас на родине, можно сказать, что в стране наличествуют три основных предпосылки для развития революционного процесса и его перерастания в стадию политических потрясений:

- Власть не способна больше управлять «по-старому», но по своей сущности не может начать жить «по-новому».

- Общество оформилось, во главе его стоит «ведущий слой», фактически уже руководящий жизнью

страны, но лишенный политической власти, находящейся в руках партаппарата.

● Стремление всего общества, всех слоев населения, жить «по-новому» и постепенно оформившаяся уверенность, что власть не способна построить эту жизнь.

Главной помехой для завершительного этапа русской революции в настоящее время является фактическая невозможность открытой политической деятельности вне партии и вне партийных доктрин. Внутри страны мыслимы только подпольные объединения, которые при всем их значении не могут заменить широкого политического движения, или же «ревизионистские» течения внутри партии и вокруг нее.

Я не могу здесь останавливаться ни на характеристике «ревизионизма», ни на дискуссии об его «революционности». Более чем скептическое отношение эмиграции к «ревизионистам» мне вполне понятно. Отмечу поэтому только два момента, которые кажутся мне весьма важными для дальнейшего хода русской революции: Во-первых, явление «ревизионизма» несомненный симптом глубокого кризиса коммунизма. Во-вторых, «ревизионизм», стремясь подправить систему, стараясь «гуманизировать» ее, — фактически не только расшатывает тоталитаризм, но и создает предпосылки для его ликвидации. Мне кажется, что для всех нас является очевидной истиной, что «подправить» коммунизм нельзя. Всякая попытка подправить и гуманизировать систему будет поэтому толкать пришедших к власти «ревизионистов» перед лицом действительности в двух направлениях — либо назад к «зажиманию гаек» испытанными методами (этим путем осторожно, но неуклонно идет Гомулка), либо вперед, к постепенному осуществлению народных требований (этим путем пошел в дни Венгерской революции Имре Надь). Третьего пути здесь нет. В решающий момент «ревизионист» будет вынужден выбирать между пропагандируемым им же самым гуманизмом и принципами коммунистической идеологии. Вероятно, одни «ревизионисты» предпочтут в таком случае остаться верными принципам гуманизма, а другие — идеологии. Но потрясение, которое их приход к власти и их

колебания вызовут во всей жизни страны только ускорят поступательное движение революции.

Каково же будет дальнейшее развитие русской революции? Какова будет судьба коммунистического режима?

Мне кажется, что перед лицом структурного кризиса системы стремления подправить ее будут возникать все чаще и чаще. Если к тому же партаппарату не удастся компенсировать внутренний кризис внешнеполитическими победами, то это стремление, вероятно, перерастет в политические конфликты внутри руководства. Частые смены в руководстве и невозможность его консолидации типичны уже для после- сталинского семилетия. В будущем они, видимо, учащаются. Периоды борьбы за власть каждого нового «кандидата в Сталины», равно как и периоды его властвования, будут все более короткими, а падения все более стремительными. В результате такой «чехарды» в среде «ортодоксов» на поверхность политической борьбы выплывут ревизионисты, сперва «умеренные», а затем — когда придется разрешать стоящие перед страной проблемы, согласно выдвинутых ими же самими программам — и более «радикальные». Дезорганизация аппарата будет усиливаться, борьба на верхах будет охватывать все более широкие круги сперва партийного, а затем и государственно-хозяйственного аппарата. На каком-то этапе в борьбу включатся широкие народные массы.

История восстаний против коммунистического тоталитаризма дала за последние годы три «модели таких восстаний:

- стихийное восстание народных масс (немецкий вариант 1953 г.);
- смена руководства с опорой на массы (польский вариант 1956 г.);
- переросшее в вооруженное восстание стихийное выступление масс при одновременной смене руководства (венгерский вариант).

Характерным для всех трех «моделей» антикоммунистических политических потрясений является их возникновение в момент дезорганизации руководства и неясности политической линии как в центре, так и, особенно, на местах.

Само собой разумеется, что Россия может дать свой особен-

ный вариант антикоммунистической революции, но было бы, как мне кажется, неправильным строить наши рассуждения только на предположениях. «Немецкий вариант» в какой-то мере уже имел место в лице восстаний лагерей принудительного труда в 1953 г. и восстания в Темир Тау. Без руководства и без распространения на всю страну они, конечно, были обречены на поражение. Поэтому, если не произойдет каких-либо форс-мажорных событий, наиболее вероятным представляется «польский» вариант, а если какие-либо потрясения крупного масштаба будут иметь место, то и «венгерский» вариант.

Остановливаясь на среднем и не учитывая возможных экстраординарных событий, мне кажется наиболее вероятным, что ликвидация коммунизма будет результатом серии «польских» вариантов смены власти, при чем каждая следующая перемена будет более радикальной, чем предыдущая. В конце этого процесса, видимо, будет стоять «венгерский» вариант и гражданская война.

Подводя итоги такого, конечно, чрезвычайно беглого анализа, мы можем, как мне кажется, сформулировать взаимоотношение русской революции и коммунизма в следующих пунктах:

1. Русская революция — огромный социально-экономический, политический, духовный и правовой преобразовательный процесс, начавшийся в прошлом столетии и не оконченный до сих пор. Смысл его — превращение России в передовую индустриальную страну с соответствующим общественным и политическим укладом.

2. Благодаря особенностям русского развития, которые придали русской революции особый характер, а также в результате особой роли интеллигенции, в русской революции объединились два в сущности противоречивых, но слитых ходом истории воедино процесса: социально-экономическая и духовно-политическая преобразовательная революция и политический бунт русской интеллигенции.

3. Бурный рост русской экономики и значительное повышение общего культурного уровня в конце прошлого и начала этого века, равно как и связанные с ними социальные из-

менения, приводят русскую революцию — под влиянием ряда приводящих моментов, как, например, первая мировая война — к «преждевременному» вступлению в политическую стадию.

4. Благодаря этому «преждевременному» вступлению русской революции в политическую стадию, когда еще не оформились контуры будущего общества, духовно-политический бунт русской радикальной интеллигенции¹ подменяет собой не только формально, но и фактически, социально-экономическую и общественно-политическую революцию. В результате, русская революция застывает на своем «якобинском» этапе, не находит сперва дальнейшего пути к «термидору». «Якобинская» диктатура институционализируется, превращается в систему тоталитарной диктатуры.

5. Большевики, будучи радикальным крылом русской революционной интеллигенции, узурпируют революционный процесс и стараются направить его в чуждом для русской революции направлении. Однако, им это не во всем удастся. Осуществляя свою программу «переустройства общества», они только в тех случаях имеют успех, когда их мероприятия хотя бы отдаленно, но все же соприкасаются с задачами русской революции. Напротив, все их мероприятия, совершенно расходящиеся с целями русской революции систематически обречены на провал.

6. Русская революция подспудно и в искаженной форме движется вперед и в эпоху тоталитаризма. Благодаря возникновению «ведущего слоя» внутри советского общества, русская революция вступила в преддверие «термидора».

7. Коммунизм изжил себя не только внешне, как доведенный до абсурда «якобинский» этап русской революции, но и внутренне, как система. Он вступил в полосу тяжелого структурного кризиса, выход из которого может быть найден только в ликвидации тоталитаризма.

8. Завершение русской революции является, таким образом, основной задачей всех общественно-политических сил России.

Такова оценка русской революции и места коммунизма в этой революции, (во многом, конечно, еще недостаточно раз-

работанная и возможно, в деталях даже ошибочная), позволяет, как мне кажется, наиболее эффективно разработать стратегию и тактику антикоммунистической борьбы. Ее преимущество я вижу хотя бы уже в том, что она, с одной стороны, объясняет место коммунизма в русской революции, (и тем самым развеивает как миф о его «случайности» в русской истории, так и не менее нелепый миф о «неизбежной» победе коммунизма в России), а с другой — объясняет почему коммунизму удалось с успехом разрешить ряд задач и быть при этом поддержанным широкими слоями населения.

Выступление с тезисом завершения революции кроме того кажется мне наиболее эффективным средством для мобилизации антикоммунистической политической общественности у нас на родине, для подготовки сил освободительной революции.

Какие же выводы может сделать политическая эмиграция из предложенных здесь для обсуждения тезисов?

Мне думается, что эмиграция должна прежде всего уяснить свое место в происходящем. Она должна постараться встать в поток русской революции, т. е. определив свое место, включиться в реально существующее движение русской революции, а не пытаться навязать ей собственные идеалы. Это ни в коем случае не значит, что эмиграция должна в чем-либо пожертвовать своими политическими принципами. Прислушиваясь к мнениям и настроениям на родине, она ни в коем случае не должна стремиться подделываться под эти настроения, пытаться «угодить всем и вся». Подобный «хвостизм» только обезличит эмиграцию, подорвет ее право вести борьбу с режимом из-за границы. Учитывая реальную действительность и реальные духовные течения на родине, эмиграция должна в то же время чувствовать себя свободной частью той духовной интеллигенции, которой предстоит возглавить политические бои завершительной стадии русской революции. Я повторяю — **частью**, а не руководителем. Поэтому политическая эмиграция должна руководствоваться в своих действиях не столько образами будущего «идеального» устройства России (как бы привлекательны они ни

были), а очередными задачами русской революции. Программы вещь хорошая и даже необходимая, но надо рассматривать их не как что-то исключительное, как единственный правильный путь будущего развития России, а только как один из вариантов, брошенных в общий спор. Как в массовом обществе индустриальной эпохи не может быть одного мнения, одной «правильной» политической линии, а мыслима только совокупность различных политических мнений, определяющих формы жизни общества, так и в русской революции не может быть «одного» рецепта борьбы с коммунизмом, одной «единственно» правильной политической теории.

В этой связи мне хотелось бы указать на одно весьма распространенное в нашей эмиграции заблуждение. К тому же заблуждение во многих случаях определяющее стратегию и тактику революционной борьбы с коммунизмом. Я имею в виду представление о необходимости «организации революции» из-за границы. Мне кажется, что мы невольно находимся в плену ленинской доктрины о партии «нового типа» и концепции о «делании» революции. Захват власти организованным большевистским меньшинством оставил в политическом мышлении какую-то травму, разжигаемую к тому же еще не отмеревшими идеями русской революционной интеллигенции второй половины прошлого века. Логике и опыту истории вопреки, многие антикоммунисты (да и не только они!) почему-то представляют себе освободительную революцию в первую очередь, как результат организованной деятельности антикоммунистического подполья. Как часто можно услышать вопрос о силе оппозиционных течений на родине, о возможности подготовки там политической оппозиции и т. д. Между тем история не знает ни одного примера организованно подготовленной и проведенной революции. Захват власти большевиками в 1917 году наиболее яркий тому пример. Ленин и его партия «нового типа» не организовали и не руководили революцией, но благодаря своей организации они смогли — и это даже без особого труда — захватить власть в период политических потрясений. Для государственного переворота, для захвата власти организация

по-ленинского типа — необходима, для революционного процесса — она бессмысленна.

Поскольку мы — политическая эмиграция — не собираемся, да и не можем устраивать государственный переворот, а стремимся в первую очередь способствовать нарастанию освободительной борьбе на родине, поскольку наша задача в основном — я бы даже сказал в идеале — сводится к мобилизации всех сил русского общества для ликвидации коммунизма и завершения русской революции, то мы должны искать других форм организации, другой стратегии и тактики, чем ленинская партия «нового типа» и ее стратегия и тактика.

Это, конечно, не значит, что не следует заниматься созданием революционных групп на родине. Напротив. Надо заняться созданием чего-то большего, чем такие группы. Но одновременно надо себе, как мне кажется, уяснить, что даже располагая идеальными средствами постоянной связи с родиной (а они заставляют, как известно, желать много лучшего) невозможно будет охватить в одном центре весь политический спектр антикоммунистических сил на родине, как невозможно осуществить объединение всех политических сил эмиграции. Борясь за свободу, нельзя вносить в борьбу элементов несвободы. Они окажутся бездейственными перед лицом политической реальности, а к тому же противоречат самому духу свободы.

Политическая эмиграция — это как бы «модель» свободной России в миниатюре. Это объединение людей различных политических убеждений, призванных в обстановке свободы совершить то, чего не может совершить интеллигенция на родине, а именно: в свободной политической дискуссии, в столкновении мнений, в обсуждении духовных, политических, общественных и экономических проблем современности, вырабатывать — или точнее, помогать интеллигенции на родине вырабатывать — те принципы и взгляды, которые лягут в основу борьбы с коммунизмом и построения свободного общества.

Надо принять участие в разговоре на родине, перепрыгнуть через железный занавес. Необходимо поставить на открытое

обсуждение проблемы, которые дискутируются в подпольных кружках на родине; перекинуть от них мост к проблемам современности на Западе. Иными словами, первая — и как мне кажется, важнейшая — задача эмиграции — это, в меру своих сил стать «энциклопедистами» русского «термидора», т. е. людьми, совместно с наиболее прогрессивными кругами русской интеллигенции на родине, занимающимися переоценкой ценностей и созданием духовных основ будущего.

Одновременно, политическая эмиграция должна, как мне кажется, стремиться к тому, чтобы разбудить в «ведущем слое» советского общества понимание своего места и своей роли в русской революции. При этом тактической задачей настоящего этапа должно быть углубление противоречия между «ведущим слоем» и партаппаратом. Необходимо, как мне кажется, показать, что только партаппарат кровно заинтересован в сохранении тоталитаризма, ибо ни при каком ином устройстве общества для него нет места в жизни общества, а тем более надежды на власть. Партаппарат — носитель системы тоталитаризма. В нем олицетворяется система. Он — враг, против которого следует (т. с. «персонально») вести борьбу.

Следующей тактической задачей должно было бы быть объединение широких масс рабочих и крестьян с интеллигенцией. Показывая соотношение сил в революционном процессе, необходимо противодействовать сознательной политике партруководства вбить клин между народом и «ведущим слоем». Необходимо упорно работать над распространением мысли о ведущей роли интеллигенции в революционном процессе, о руководстве ею массами в моменты политических боев.

Уже теперь надо искать те «пункты кристаллизации» сопротивления, которые могут помочь объединению сил против тоталитаризма. Надо уже теперь помогать антикоммунистическим силам находить формы легального сопротивления, которые могут быть использованы в эпоху структурного кризиса системы. Не следует при этом бояться тактики «малых дел», например, работы в местных советах, в профсоюзах, в рядах молодежных организаций и культурных учреждений.

Ведь подобные «мелкие формы» — не самоцель. Их задача не столько «подточить» режим — политика «малых дел» не сделает в этом отношении больше, чем уже теперь делает пассивное сопротивление народа, — сколько использовать в условиях тоталитаризма все методы для объединения сил сопротивления, для возникновения между ними взаимопонимания и доверия. Политика «малых дел» должна стать своего рода «заменителем» для отсутствующей открытой дискуссии, средством для выработки единообразия поведения в борьбе с властью, а также и единообразия этических критериев.

И, наконец, эмиграция должна поставить во главу угла своей пропаганды разъяснение глубоко патриотической сущности завершения русской революции. Необходимо неустанно доказывать, что дальнейшее развитие России невозможно без ликвидации тоталитаризма, что коммунизм отбросил страну далеко назад по сравнению с ее потенциальными возможностями.

Конечно, даже набросанные здесь некоторые, далеко неполные, — тезисы стратегии и тактики политической деятельности эмиграции невыполнимы без элементов организации. Нужна организация, но организация, ставящая себе задачей не подготовку и осуществление политического переворота, а организации, занимающейся распространением идей и мобилизацией сил освобождения. Организовываться же на штурм власти в буквальном смысле слова революционные силы будут, вероятно, без нашей помощи. Почти с полной уверенностью можно сказать, что без нашей помощи подымут они и знамя восстания. Наша задача, как мне кажется, сводится в первую очередь к тому, чтобы подготовить их к этой роли, помочь им осуществить свое призвание: претворить в жизнь завершительный этап русской революции. В этом их, а тем самым и наша историческая миссия.

На службе Родине

**Конспект доклада председателя ЦОПЭ Ф. Т. Лебедева
на общем собрании членов Объединения
5 ноября 1960 года**

5 ноября 1960 года в Мюнхене состоялся IV съезд Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР, который вместе с тем явился очередным общим собранием членов ЦОПЭ, согласно действующему уставу. В задачу съезда входило заслушивание отчетных докладов о деятельности организации и выборы руководящих органов.

Отчетный доклад о деятельности ЦОПЭ за два года, прошедшие со времени предыдущего съезда, сделал председатель ЦОПЭ Ф. Т. Лебедев.

Доклад — «На службе родине» — был сделан в открытой части съезда, вся же дальнейшая работа происходила в закрытых заседаниях.

Ф. Т. Лебедев указал, что ЦОПЭ в своей работе стремилось, главным образом, к достижению двух целей.

Это — **распространение свободных идей**, ведущих к борьбе с коммунистической диктатурой, и **мобилизация освободительных сил**.

Работа эта имела два направления: условно говоря, «на Восток» и «на Запад», то есть велась для и среди соотечественников на той и с той стороны, а также среди и для ответственности тех стран, в которых ЦОПЭ развило свою деятельность.

Условия «мирного сосуществования», в той или иной мере иногда проявлявшиеся в некоторых странах, не определяли методов и форм работы, но считаться с ними было нужно, и

организации постепенно приходилось и приходится приспосабливать свою тактику к конкретным условиям, не меняя своей стратегической цели.

Работа среди соотечественников, проводившаяся в различных формах, имела целью налаживание так или иначе контактов, включение в тот духовный антикоммунистический процесс, начало которого наблюдается на родине, и совместное разрешение, путем возможных дискуссий, тех проблем, которые возникают постоянно во всех сферах экономики, культуры, идеологии и даже быта.

Совершенно невозможно стопроцентно судить о результатах такой работы, но что она доходит и какие-то плоды дает, — ЦОПЭ имеет целый ряд доказательств.

Работа на Запад имела целью участие в формировании общественного мнения в интересах борьбы с коммунизмом вообще и освобождения нашей родины — особо.

За последние два года широко развилась издательская деятельность ЦОПЭ. Кроме издания журналов «С в о б о д а» и «Ф р а й е Р у н д ш а у» (на немецком языке), было начато издание большого литературно-политического альманаха «М о с т ы». Ко времени съезда вышла в свет пятая книга «М о с т о в». Кроме того, за отчетное время было издано 6 книг, 33 брошюры и 25 номеров с тиражом 12.500.000 маленькой специальной «С в о б о д ы». Листовочные операции, которые ЦОПЭ прекратило в свое время, за отчетный период дали, все же, цифру распространения 155.000.000 единиц.

Распространению изданий ЦОПЭ среди соотечественников с той стороны и иностранцев, читающих на русском языке, придавалось очень большое значение и этому уделялось повсеместно большое внимание. Передачу идей, мыслей и взглядов на ту сторону, естественно, проводил и радиоотдел ЦОПЭ. Ведя работу через радиостанции Рим, Мадрид и Тайвань, за отчетное время было передано 1952 различных радиоскрипта. Личные контакты работников ЦОПЭ с советскими туристами, спортсменами и участниками различных делегаций проводились систематически в ряде стран. Боль-

шая работа была выполнена во время Всемирной выставки в Брюсселе, Фестиваля молодежи в Вене и Олимпийских игр в Риме.

Работа на Запад за отчетное время выразилась в устройстве докладов в различных городах и странах, а также в участии представителей ЦОПЭ в различных конференциях по вопросам, находящимся в кругу интересов организации.

Для примера можно указать, что за отчетное время в Западном Берлине ЦОПЭ, включая постоянно действующий семинар, провело 111 докладов; в других городах Западной Германии — 97. Эти цифры относительно других стран, естественно, значительно меньше, так как ЦОПЭ только сравнительно недавно стало налаживать постоянную работу в некоторых европейских странах. Тем не менее, за это время, например, во Франции и Бельгии, было сделано 23 доклада.

В порядке той же работы на Запад, при ЦОПЭ был создан **Политический форум**, на котором за отчетное время было сделано 26 докладов. Помимо того, устраивались совещания и собрания, посвященные разработке идеологических вопросов, а также стратегии и тактике организации. Большое участие и инициативу проявляло ЦОПЭ в организации собраний, посвященных Дню непримиримости и венгерской революции 1956 года. Значительное участие ЦОПЭ приняло в организации и проведении выставки «Сорок лет коммунизма».

Отделы, представительства и рабочие группы ЦОПЭ ко времени съезда существуют в США, Израиле, Бельгии, Франции, Испании, Австрии, Италии, Англии, Аргентине и Австралии.

Представительства по распространению изданий ЦОПЭ находятся и в других странах. Все иностранные «точки» ЦОПЭ ведут разнообразную и успешную работу.

Отдел ЦОПЭ в Бельгии, существующий уже несколько лет, в настоящее время — самый многочисленный отдел, распадающийся на три подотдела.

Отдел ЦОПЭ в США, также работающий несколько лет, во многом является для организации важным и помимо его текущей работы.

Отделу в Израиле приходится работать в совершенно особых условиях, но отдел непрерывно растет и активизируется.

Как уже было сказано, ЦОПЭ имеет целый ряд доказательств того, что его работа для той стороны не проходит безрезультатно. Имеются и непосредственные сообщения, и доказательства другого рода, что издания ЦОПЭ не только **проникают** на родину, но и хорошо «котируются» там. Основываясь на этом, ЦОПЭ и строит свою дальнейшую работу и свой издательский план.

Надпартийность ЦОПЭ, базирующаяся на его политической платформе, дает возможность объединения всех эмигрантских антикоммунистических сил, желающих включиться в практическую работу.

Политическая платформа

Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР

1.

Центральное Объединение Политических Эмигрантов из СССР борется за достижение следующих целей:

1. За свержение советского режима коммунистической диктатуры, поработившего народы России, поправшего их человеческие права и поддерживающего свою власть насилием и террором.

2. За установление в России подлинно демократического государственного строя на основе свободного народного волеизъявления, выраженного путем свободных и тайных выборов в представительные органы страны.

3. За право каждого народа России, после свержения коммунистического режима на всей территории СССР, определить свою национальную судьбу путем свободного, мирного, демократического волеизъявления.

4. За признание примата человеческой личности на основе принципа «Государство для человека, а не человек для государства».

5. За полное равенство всех людей без каких либо ограничений по расовым, национальным, религиозным, социальным, политическим и иным признакам.

6. За обеспечение каждому человеку основных гражданских прав: неприкосновенности личности и жилища, свобо-

ды совести, слова, печати, собраний, союзов и политических партий.

7. За создание твердого правового порядка, при котором государство в своей деятельности подчинено Основному Закону, за равенство и одинаковую ответственность всех граждан, уничтожение всех форм коммунистического бесправия: сыска, террора, карательных органов, концлагерей, принудика, террора, карательных органов, концлагерей, принудительного труда, насильственного переселения.

8. За полное раскрепощение трудящихся, за действенную защиту их от эксплуатации государством или человеком.

9. За ликвидацию советской системы государственного капитализма, за справедливое рабочее законодательство, за независимые от государства профессиональные союзы, за свободный выбор профессии и места работы.

10. За проведение в жизнь широкого социального законодательства: страхование трудящихся на случай болезни, потери работоспособности, безработицы и старости, обеспечивающее прожиточный минимум, за бесплатное обучение.

11. За личную инициативу в промышленности и торговле, опирающуюся на признание трудовой частной собственности.

12. За ликвидацию принудительной колхозной системы, за свободное землепользование на основе передачи земли в полную собственность крестьянам.

13. За свободу творчества в литературе и искусстве, за независимость научной мысли, за раскрепощение всех областей культуры и духовной жизни.

2.

Стремясь к достижению вышеуказанных целей, Центральное Объединение Политических Эмигрантов придерживается следующих основных принципов:

14. ЦОПЭ считает, что выявление суверенной воли народа возможно только в условиях прочного демократического по-

рядка, установленного на территории России после свержения коммунистического режима и устраняющего угрозу анархии или нового тоталитаризма.

15. ЦОПЭ уверено, что основы демократического строя будущей России должны быть заложены уже в процессе борьбы за ее освобождение от коммунистической диктатуры.

16. ЦОПЭ рассматривает себя, как органическую часть общего Освободительного Движения Народов России.

17. ЦОПЭ отклоняет сотрудничество с политическими организациями, подменяющими борьбу с коммунизмом борьбой против русского народа, связанной с дискриминацией последнего.

18. ЦОПЭ отвергает замену коммунистического строя в будущей России какой бы то ни было иной тоталитарной государственно-политической системой.

19. ЦОПЭ опирается в своей борьбе за освобождение Родины на все демократические силы Свободного Мира.

20. ЦОПЭ верит, что сбросившая коммунистическое иго новая Россия войдет в содружество Свободных Народов и вместе с ними станет на страже мира и справедливости.

О Г Л А В Л Е Н И Е

А. Авторханов — Внешнеполитическая доктрина хрущевского руководства	7
В. Рудольф — Советское общество сегодня	35
Ю. Письменный — Лицом к лицу (встречи с «той стороной»)	67
Ф. Арнольд — Русская революция и коммунизм .	97
Конспект доклада Ф. Лебедева — «На службе родине»	123
Политическая платформа ЦОПЭ	127

Verlag Z O P E
München 19, Renatastraße 77
Deutschland